

История матери

Автор:

[Аманда Проуз](#)

История матери

Аманда Проуз

О лучшем чувстве на земле

Всегда ли рождение ребенка – счастье? Об этом не принято говорить, но бывает так, что появление детей разрушает семью. Это случилось с Джессикой и Мэттью. Их брак дал трещину, когда Джессика узнала, что беременна. Она не была готова к этому, и, хотя Мэттью был счастлив, ее не покидало болезненное чувство неправильности происходящего.

Материнство не принесло Джессике желанного успокоения. Она все больше погружалась в пучину депрессии, испытывая к дочери противоречивые чувства: любовь, жалость, неприятие, страх. Джессика ненавидит себя за эти мысли, но они сильнее ее. Неужели она неправильная женщина? Но как изменить себя? Что может ей помочь?

Аманда Проуз

История матери

Amanda Prowse

A Mother's Story

© Наумова И., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Пролог

Маленькая видеокамера, мерцая, подмигивала паре, ожидавшей, пока ее впустят внутрь. Узнав доктора Бойда, женщина, взмахнув рукой, привстала. Она нажала на незаметный для постороннего взгляда звонок, и дверь широко распахнулась, пропуская их в просторный коридор. Женщина села за изгибающуюся дугой конторку из светлого дерева, позади которой была стена с длинным рядом ячеек для бумаг. Интерьер был простеньким: сплошь белые стены и разноцветные аксессуары на рабочем столе – красные папки, зеленые ручки и большие настенные часы желтого цвета, которые громко тикали. Своей фальшивой веселостью помещение напоминало детскую больницу.

Не дожидаясь, пока ему об этом напомнят, доктор Бойд расписался в журнале за них обоих и стал ждать. Показалась крупная женщина неопределенного возраста, она вела себя так, что всякий, кто удосуживался это заметить, понимал, что это место было явно не по ней. Не обращая на них внимания, она торопливо прошла мимо, держа в руках охапку папок.

Потом появилась улыбчивая медсестра. Она осмотрела сумку с ночными принадлежностями Джессики и обшарила ее вещи. Джессика была спокойна и вежлива, ее прежние дурные предчувствия рассеялись. Она почувствовала облегчение от того, что сможет обрести здесь покой. Здесь было не так жутко, как она полагала прежде, отнюдь нет. Медсестра казалась доброй и деловой: «Сейчас мы пройдем в вашу комнату, хорошо, Джессика?»

Она кивнула. Доктор Бойд вышел в приемную, и она больше не видела его. Ее вели по длинным коридорам в глубину здания. За пределами больничного вида приемной здание слегка походило на дешевый отель, единственным исключением было лишь то, что полы были покрыты не ковровой плиткой, а серым линолеумом. К стенам были привинчены картины в похожих на коробки от шоколадных конфет рамах с изображением цветущих лугов и поднимающегося над покатыми холмами солнца. Медсестра держала Джессику под руку, словно

та была старушкой или калекой. Джессика улыбнулась. Хотя она не была ни тем, ни другим, ей пришлось признаться себе, что ей стало очень комфортно от того, что женщина держала ее под руку, пока они шли к ее комнате.

– Мэттью зайдет сюда позже? – спросила она, осознав, что не попрощалась с ним как следует.

– Нет. Не сегодня вечером. – Медсестра похлопала Джессику по руке.

– Тогда завтра?

Медсестра не ответила. Джессика с беспокойством подумала, что та ее не услышала.

– Он придет навестить меня завтра? – повторила она на этот раз громче.

Медсестра захлопала глазами, но продолжала молчать. Джессика сдержалась, думая, что сказала что-то не то. Она не могла вспомнить, где сейчас Мэттью или почему его нет рядом, но, судя по молчанию медсестры, поняла, что лучше не спрашивать о нем.

Туплю на резиновой подошве, в которые была обута женщина, скрипели, пока они шли по блестящему линолеуму. Джессика остановилась, раскрыв рот от изумления, когда ее оглушил раздирающий уши вопль. Она схватила медсестру за руку.

– Все в порядке, Джессика. Кто-то громко кричит. Бояться нечего. – Медсестра улыбнулась, сжав ее ладонь, отчего стало чуть легче.

Медсестра вытащила магнитную карту, закрепленную на подпружиненном шнуре, и приложила ее к маленькой черной панели сбоку от широкой двери, дверь распахнулась настежь. Джессика оказалась в другой секции коридора. Флуоресцентные светильники над головой были слишком яркими, и, защищаясь от искусственного освещения, она прищурилась. Джессика заметила висевший высоко на стене застекленный шкафчик, полный разных склянок и шприцов, она попыталась не думать о том, для чего они предназначены и чем наполнены.

Они резко остановились. Женщина снова вынула свою карту и приложила ее к панели рядом с другой дверью. Джессика заметила окошко в верхней части двери. Когда она робко вошла в комнатку, ее взгляд скользнул по комоду с пластмассовым верхом и односпальной кровати. Окно было с решеткой и вертикальными жалюзи светло-зеленого цвета, напоминавшими дизайн административного отделения. Сев на кровать, она провела рукой по голубому одеялу из тех, что она когда-то видела только в больницах, оно было аккуратно заправлено под матрац, под ним были белые простыни, причем верхняя была подвернута, образуя широкую белую кайму. Пол здесь тоже был скрипучим и без единой пылинки. Ей понравилось, что комната была очень чистой и незагроможденной. Здесь будет легче думать.

В комнату энергично вошла другая женщина. Она была не такой улыбчивой, как первая, и держала в руках планшет с зажимом для бумаги. Сев на оранжевый пластмассовый стул, скрипнувший под ее весом, она положила планшет на колени.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов. – На ее губах появилась презрительная усмешка, словно она была раздражена или злилась.

Джессика кивнула.

– Вы понимаете, где вы находитесь, не так ли? – брызгая слюной, проговорила она.

Джессика снова кивнула.

– Полегче, – прошептала улыбчивая медсестра своей коллеге.

– Полегче? Ты знаешь, что она натворила? – выпалила та в ответ.

Джессика почувствовала, что дрожит.

– Посещали ли вас за последние сутки мысли о самоубийстве? – Женщина посмотрела на нее так пристально, что ей стало не по себе.

Джессика отрицательно покачала головой и опустила глаза.

– Не бойтесь, Джессика, скажите нам. Мы здесь для того, чтобы помочь вам. – Красивая медсестра говорила мягко, доброжелательно, что было совсем не похоже на осуждающую кривую усмешку ее коллеги.

Внезапно на Джессику нахлынули яркие воспоминания о дне ее свадьбы. Она вспомнила, как стояла и старалась уговорить Джейка и других друзей Мэттью, чтобы тот смог произнести речь. «Все мы знаем, что Джесс не по силам молчать и не перебивать, пока кто-нибудь выступает, верно? Видимо, труднее всего мне будет заставить ее помалкивать не только сегодня, но и на протяжении всей нашей супружеской жизни. Роджер весьма любезно подарил мне вот эти штуки, чтобы я использовал их в экстренных случаях!» Это были беруши, которые якобы подарил ее отец.

Но теперь обстоятельства приняли такой оборот, словно она перестала распоряжаться собственной жизнью. Решение было принято без ее согласия, все распоряжения были сделаны без всякого вмешательства с ее стороны, о ней принялись судачить в коридорах и по телефону, прикрывая ладонью трубку. С этого момента она больше не отвечала за себя. Сначала она почувствовала некоторое облегчение и легкое оцепенение. Со временем чувство облегчения угасло, а оцепенение усилилось. Потому что если она не отвечала за себя, то как она могла бы проверить то, что произошло с ней? А ответ заключался в том, что проверить она не могла.

Слезы подступили быстро и без всякого предупреждения. Она продолжала молчать, а ее лицо исказилось страдальческой гримасой, отчего она не могла дышать или вымолвить хоть слово.

– Куда я попала, что со мной произошло?

1

Стоял чудесный майский день. Бабочки с оранжевыми по краям крыльями кружились в чистом голубом небе, порхая над желтыми, освещенными солнцем цветами и садясь на них. Яблони буйно цвели розово-белыми цветками, лепестки которых падали на землю, засыпая ее живописным ковром, по которому расхаживали гости.

Под шатром раздался резкий и звонкий звук вилки, бьющей по краю бокала. Разговоры утихли, перейдя на шепот, а отошедшие к другим столам и присевшие на циновки из кокосового волокна, чтобы поболтать с друзьями, вернулись на свои места. Освежившись духами, девушки с блестящими сумочками в руках, держась за руки, стайками выбегали из туалета. Три симпатичные официантки перемещались по лабиринту из столов, разнося гостям, готовившимся произнести тост, высокие бокалы с охлажденным шампанским. Джессика ощутила, как ее охватывает радость. День ее свадьбы протекал идеально.

Свадьба была из тех, что она видела в иллюстрированных журналах, из тех, что снимают в кино – тысяча миль отделяла ее от той, на которую могла бы рассчитывать девушка вроде нее, Джессики, чьи отец и мать считали пасту экзотической едой, которая выросла в мире продовольственных карточек, почтово-сберегательных марок и бережливости, носила школьную форму из секонд-хенда и с незапамятных времен получала в подарок книгу на каждый день рождения. Она присутствовала на самой изысканной свадьбе из тех, на которых ей приходилось бывать, и она была невестой! Все было, как кстати заметила утром мать, как в чертовой волшебной сказке.

У Мэттью было совсем другое детство. Джессика выходила замуж за мужчину, чьи родители навевались во Францию так же часто, как ее – в супермаркет. Они были из тех, кто знает, какое вино пьют под рыбу, а за ужином они шутили о действующем правительстве и обменивались обрывками забавных новостей, услышанных по радиоканалу BBC. Этот мир был очень далек от того, в котором жила она. Когда он впервые представил ее своей семье, ее охватило как благоговение, так и страх. Спустя год того и другого чуть поубавилось.

Поспешно обойдя стол для почетных гостей, Полли положила голову на плечо своей лучшей подруги. Бахромой своего легкого широкого зеленого шарфа она задела невесту по носу, и та, фыркнув, сдула ее. Джессике был невыносим запах алкогольных паров, исходивший изо рта подруги. Полли было не привыкать – с десятилетнего возраста обе девочки слышали, как взрослые, словно заклинание, повторяли: «Пришло время выпить!»

– Тебе необходимо узнать кое о чем, Джесс, – тихо прошептала Полли.

– О чем? – Джессика была заинтригована.

– Вероятно, нам стоило обсудить это раньше, но дело в том, что сейчас, когда ты стала замужней женщиной, твой муж, наверное, захочет заняться с тобой СЕК-СОМ. – Слово, начинающееся на «с», она произнесла беззвучно, одними губами.

– Правда? – Прикрыв рот рукой, Джессика вытаращила глаза.

– Да, – кивнула Полли. – Именно этим и занимаются женатые люди. Мои родители делали это дважды, поскольку у меня есть сестра, думаю, что твои не занимались этим уже довольно давно. – Девушки взглянули на мистера и миссис Максвелл – нарядные, те сидели чуть дальше за столом – и захихикали.

– Перестань смеяться, Джесс. Это очень важно, важ...но. Важно. – Полли попыталась, но не сумела подобрать нужного слова, отчего Джессика снова захихикала. – Все равно! Это не имеет значения. – Полли помахала ладонью перед ее лицом. – Правило таково: просто ляг на спину и думай об Англии. Не говори ни слова, не шевелись, и все закончится раньше, чем ты успеешь пропеть второй куплет «Иерусалима»[1 - «Иерусалим» – стихотворение Уильяма Блейка из предисловия к его поэме «Мильтон» (1804), положенное в 1916 г. на музыку Хьюбертом Пэрри и ставшее неофициальным гимном Англии.]. Про себя, разумеется, а не вслух, ни в коем случае. Поняла? – Выпрямившись, Полли поцеловала подругу в щеку.

– Думаю, да... – Джессика прикусила губу. – Второй куплет?

– Возможно, тебе стоит потренироваться. – Полли подмигнула.

– Потому что это так важно? – спросила Джессика.

– Точно! – Отходя от стола, Поли сделала вид, что стреляет в подругу из пистолета.

Джессика рассмеялась, глядя на свою милую подвыпившую подругу, которая, по правде сказать, будучи еще совсем юным подростком, сидя в парке, на расстоянии не более двух скамеек от нее, получила свой первый сексуальный опыт после довольно кокетливой игры в английскую лапту с хором церкви Святого Стефана. Все могло бы закончиться более эротично, если бы не вмешательство преподобного Пола, который появился в самый критический

момент и, как разволновавшийся гигантский ворон, с шиканьем прогнал их из парка как раз вовремя для того, чтобы спасти их души и репутацию.

Полли, покачиваясь, прошла по танцполу на опасно высоких каблуках. Джессика видела, как та, втянув живот и выпятив вперед пышную грудь, проходит мимо Магнуса, босса Мэттью и предмета ее обожания. То, что Магнус был старше ее отца, женат и довольно высокомерен, казалось, не отпугивало Полли. Джессика любила подругу, как сестру. Еще вчера ночью они сидели в пижамах в гостевой спальне, в доме родителей Мэттью, составляя список всех своих сексуальных побед, при этом каждая с нежностью вспоминала самую увечную из жертв, о которой другая просто предпочитала забыть. Придя в некоторое замешательство, они поняли, что в их списках повторялись по крайней мере два имени, отчего их охватил приступ безумного хохота, для которого было довольно даже пустяка. Полли, которая меняла работу как перчатки, в настоящее время проходила испытательный срок как личный секретарь и, как никто другой, умела рассмешить Джессику. До такой степени, что порой Джессика, к своему стыду, едва успевала добежать до туалета.

Джессика погладила свою тиару, желая убедиться в том, что хрупкое головное украшение и ее идеально накрученные локоны шоколадного цвета в порядке. Сдерживая нервную дрожь, она потрогала подушечкой среднего пальца нижнюю губу, которая была слегка липкой от блеска, что означало, что ее губы будут блестеть на снимках крупным планом, которые обязательно сделает фотограф во время церемонии.

Взглянув на свою мать Корал, сидевшую через несколько мест от нее за столом для почетных гостей, Джессика надула щеки, выпятив пухлые губы, что говорило как о возбуждении, так и о нервозности. Корал подмигнула дочери и глубоко вздохнула. Она изо всех сил старалась скрыть свое волнение. Джессика ощутила, как ее захлестывает волна любви к матери, которая, как ей было известно, с тревогой ожидала этот день, переживая за свой наряд, прическу и за то, что могут сделать или сказать другие родственники, введя ее в смущение. Это было минное поле. Джессика постаралась убедить ее в том, что, если дядя Майк после пары бокалов захочет сделать вид, что пугает, решив разыграть всех, это не станет концом света. Мать и отец выкручивались, чтобы помочь с деньгами, по-прежнему не желая ограничиться суммой, способной расстроить честолюбивые виды Маргарет на своего единственного сына. Джессика видела, как они робко переходят от стола к столу с незнакомыми для них канапе, белыми бантами и полотняными скатертями, и понимала, что ее мать собрала в

кулак все свои силы, стараясь не намекать на то, что она, чтобы немного сэкономить, могла бы сама сделать бутоньерки, написать карточки с именами гостей и приготовить одно или два блюда пирожков с мясом.

Готовясь к свадьбе, Джессике пришлось научиться общаться со своей свекровью. В отличие от ее собственной матери Маргарет не желала вникать в детали, она просто хотела, что все ее решения принимались с одобрением, чтобы она смогла быстро и с удовольствием их осуществить. Она повсюду бегала, как будто ей вечно не хватало времени, и всегда, всегда выглядела опрятной. Она была привередлива в том, что касалось ее внешности, нередко ее тонкую талию подчеркивал широкий ремень из рыжевато-коричневой кожи, который не выглядел неуместным на джинсах «Леннокс Льюис». Корал была ее полной противоположностью, она часто медлила, иногда двигалась неуклюже и нередко была рассеянной. Она беспокоилась, правильно ли установлена арка и сможет ли тетушка Джоан с ее больным бедром провести с ними целый день, но серьезные проблемы приводили ее в нерешительность, отчего она нервно грызла ногти.

Джессика оглядела выжидательные лица нарядных гостей, с сияющими улыбками смотрящие в ее сторону, когда они садились под элегантный шатер на лужайке у дома родителей ее мужа. Она чувствовала себя принцессой и, как ни старалась, не могла сдержать улыбки, возвращаясь на год назад и вспоминая тот роковой дождливый день, когда она сидела на парковке у супермаркета «Сейнсбери».

Капли дождя стучали о крышу машины, издавая звук бьющейся о металл мелкой гальки. Она видела, как Мэттью, обутый в кроссовки, перепрыгнул через бетонированную площадку и дернул за ручку на дверце машины. Обнаружив, что она закрыта, он постучал в стекло со стороны пассажирского места.

– Дверь закрыта, Джесс! Открой ее!

Она потрянула головой, видел он или нет, но, когда она отодвигалась на водительское место, ее костлявые плечи съежились, и рукава фуфайки съехали на кисти рук.

Он постучал сильнее.

– Джесс! Я промок, дождь как из ведра! Открой же эту проклятую дверь! – На этот раз он наклонился, приложив пальцы ко лбу, словно отдавая честь, а потом дотронулся ими до стекла, словно оно было залито солнцем, а не струями дождя. – Джесс! Что ты делаешь? Я промок насквозь, и покупки тоже. – В качестве доказательства он поднял вверх мокрый багет, выглядевший довольно плачевно и согнувшийся пополам.

Джессика сложила руки на груди, стараясь изо всех сил сдерживать слезы.

– Я не открою. Пошел вон!

– Что? Ради бога, Джесс, посмотри на меня! – Свободной рукой Мэттью оттянул на груди намокший свитер и смотрел на пропитанную водой деформированную шерсть, так и не вернувшуюся в прежнюю форму. – Открой эту чертову дверь. Это не смешно.

– Разве похоже, что я смеюсь, Мэттью? – выкрикнула она, склоняясь над пассажирским сиденьем, голос у нее срывался.

Мэттью бросил пакет с продуктами на землю и положил на него багет. Потом он обошел машину спереди, проскользнув между своим «Россом», «Фиатом Пандой» и стоявшей перед ним машиной. Наклонившись так, что их лица оказались на одном уровне, он откинул мокрые волосы назад и постучал в окно с ее стороны. Повернув к нему лицо, Джессика не смогла удержаться, чтобы не дернуться от смеха, видя, как струи дождя бурным потоком стекают с кончика его носа. Он выглядел еще сексуальнее, чем обычно, если только это было возможно.

– Пошел вон, Мэтт!

– Что значит «пошел вон»? Я заскочил в «Сейнсбери», чтобы прихватить что-нибудь к ужину, а когда я вернулся, мне запрещают войти в машину? В мою машину! – вскрикнул он и рассмеялся, более чем привычный к слегка непредсказуемому поведению своей девушки. Она была такой, что Джейк, после первого знакомства с ней, охарактеризовал ее как ту, с которой «хлопот не оберешься».

– Я пришла, чтобы увидеть тебя, Мэтт, и я, черт побери, увидела тебя, – рявкнула она.

– Увидела меня, и что? – Подняв руки, Мэттью выпятил нижнюю губу, пытаюсь сдуть с нее капли дождя.

– Ты разговаривал с Дженни! Я видела вас обоих в проходе, где продают шампанское. – Она сделала ударение на слове «шампанское», словно от этого увиденное ею выглядело еще сладострастнее. Как могла она объяснить, что все еще нервничает и неадекватно воспринимает этих шикарных девчонок, таких уверенных в себе и умеющих говорить так грамотно, что от каждого взмаха их светлых, завязанных конским хвостом волос она чувствовала, что ей угрожает опасность? В особенности это относилось к Дженни, милой длинноногой американке, выделявшейся среди всех остальных своими непринужденными манерами и удивительно белозубой улыбкой. Джессика сомневалась в том, что все свое детство та просидела на ступеньке паба с пакетом чипсов, пока ее отец играл в кегли на заднем дворе.

– Это потому, что я покупал бутылку шампанского! И это была всего лишь Дженни, я знаю ее сто лет, – пытался оправдываться Мэттью, смущенно покачивая головой.

– Да, я это знаю, умник. Как я уже сказала, я тебя видела! И меня разозлило не то, что ты покупал. А то, что Дженни целовала тебя в лицо, обхватив руками за шею. И она прижимала к тебе свою ногу, что ты на это скажешь? А потом я увидела, как ты поглядывал налево и направо, проверяя, не наблюдаю ли я за тобой, – что же, я наблюдала, а потом ты приложил палец к ее губам, словно желая заставить ее замолчать. Я не дура, Мэтт. Я понимаю, что что-то происходит. Или ты собираешься рассказать мне, чтобы я была в курсе? – Джессика почувствовала, что ее губы скривились и она вот-вот заплачет. Такой поворот событий был совсем ни к чему. Он ей и вправду нравился, больше чем нравился, она любила его! Пытаясь отвлечься, она вонзила ногти в ладони.

Мэттью уставился на нее, открыв рот, словно соображая, что она скажет дальше. Внезапно в небе раздался раскат грома. Джессика подпрыгнула. Она ненавидела гром. Мэттью обежал машину и оказался напротив пассажирского места. Он вынул из пакета бутылку шампанского и поднес к окну.

– Ты просто всего не знаешь, но я купил это для тебя, идиотка. – Он улыбнулся.

Джессика почувствовала ком в желудке, она до сих пор не привыкла в таким экстравагантным жестам.

– Почему бы тебе не отдать его Дженни! – Она пыталась удержать предательскую улыбку – он купил для нее шампанское!

– Дженни? Нет! Ты все неправильно поняла. – Тряхнув головой, Мэттью поставил бутылку на землю. – Если ты не собираешься меня впускать, тогда просто приоткрой окно, ты будешь хорошо слышать меня. Пожалуйста. Я ненавижу кричать, и на нас смотрят, – завопил он.

– Мне все равно, что на нас смотрят! – выкрикнула она в ответ, что было неправдой. Ей было совсем не все равно. Она опустила окно у пассажирского сиденья «Росса» на несколько дюймов.

Мэттью наклонился и начал разговаривать через щель.

– Спасибо, что открыла окно. – Он улыбался. – Я купил шампанское, чтобы мы отпраздновали одно событие: ты и я. Дженни обняла меня за шею, потому что ей известно, что именно мы отмечаем. А известно ей это потому, что она разговаривала с Джейком, который не смог бы сохранить долбаный секрет, даже если бы от этого зависела его жизнь.

– Так что же мы отмечаем? – Джессика смотрела на своего промокшего под дождем, грязного парня, цеплявшегося за окно, тот, стоя под проливным дождем, хватался пальцами за край стекла, как мартышка, прислоняясь торсом к крылу машины. Она увидела, что он отклонился назад и запустил руку в карман промокших джинсов. Двумя пальцами он вытянул оттуда квадратную красную коробочку.

Джессика прикрыла рот рукой и наконец дала волю слезам. О боже! Так вот оно что!

Вдруг Мэттью присел, так что она могла видеть только его голову и плечи. Он тряхнул головой, чтобы смахнуть с глаз капли дождя. Джессика до конца опустила стекло, почти не обращая внимания на то, что обивка «Росса» промокает насквозь. Мэттью просунул руки в машину и, наклонившись через открытое окно, осторожно открыл красную коробочку, лежавшую у него на

ладони. В ней уютно устроилось кольцо его бабушки в стиле ар-деко, подаренное ей в день помолвки. Квадратный изумруд обрамляли по бокам два бриллианта продолговатой формы, а вся великолепная композиция покоилась на старом кольце из платины. Это было изумительно. То самое кольцо, которым она любовалась, когда оставалась в доме его родителей. Теперь она понимала, почему оно лежало там, на каминной полке, дожидаясь не того, чтобы его почистили, как выпалила его мать, а того, чтобы Мэттью забрал его, готовясь к этому моменту. Хотя оказаться на парковке, не имея возможности попасть в машину в этот дождливый вторник, вряд ли входило в его планы.

– Джессика Роуз Максвелл... – Мэттью замолчал, собираясь с мыслями. Чуть прокашлявшись, он начал снова, по-видимому не обращая внимания на дождь, от которого волосы прилипли к лицу, а одежда – к телу. – Джессика Роуз Максвелл, я люблю тебя. Даже если ты бесишь меня и, несомненно, являешься самой чокнутой из всех, кого я знаю. Также ты – самая веселая и красивая. Мне невыносима мысль, что я не буду проводить с тобой каждую ночь или, просыпаясь, не увижу твоего лица на подушке рядом с моим. Я хочу, чтобы ты стала матерью моих детей. И я не могу представить никакого другого будущего, кроме как будущего с тобой. Я люблю тебя. – Он протягивал коробочку внутрь машины до тех пор, пока не вытянул руку до конца. – Ты выйдешь за меня замуж?

Джессика открыла дверцу «Росса» и попыталась выпрыгнуть из него, но ее удерживал ремень безопасности, сжимавший грудь. Помедлив секунду, она рассмеялась, а потом нажала кнопку, чтобы освободиться. Выскользнув из машины, она побежала сквозь ливень, обогнула капот и бросилась в объятия Мэттью.

– Именно об этом я всегда мечтала, чтобы кто-нибудь попросил моей руки на парковке у «Сейнсбери»! – Она крепко поцеловала его в губы. – Я тоже люблю тебя.

– Значит, ты согласна, мисс Максвелл?

– Да! Да! Конечно, да! – Джессика подпрыгивала под дождем до тех пор, пока не промокла. Она широко распахнула руки. – Я выхожу замуж! – крикнула она пожилому мужчине в превосходной куртке явно не по размеру и фуражке, собиравшему на парковке брошенные тележки.

- Поздравляю вас! – крикнул тот в ответ сквозь туман, махнув рукой.

Джессика прыгнула в объятия Мэттью, к счастью, он был к этому привычен и с легкостью поймал ее.

- Прости меня за багет. – Она снова поцеловала его.

- Джесс, если это будет самым ужасным из того, с чем мы столкнемся в нашей семейной жизни, тогда я скажу, что все у нас будет просто прекрасно.

Приподняв Джессику чуть выше своего пояса, Мэттью крепко держал ее, при этом она обхватила его торс ногами.

- Я люблю тебя, Мэттью.

- Я тебя тоже люблю. – Он улыбнулся.

Джессика положила ладони ему на щеки, выражение ее лица было чрезвычайно серьезным.

- Нет, ты не понимаешь. Я люблю тебя больше, чем, я уверена, я могла бы любить кого бы то ни было другого. Я люблю тебя больше, чем когда-либо полюблю кого бы то ни было в целом свете, и я всегда, всегда буду любить тебя. Мысль о том, что ты не любишь меня... – Она вздохнула, словно ее ударили.

- Джесс, моя Джесс. Тебе не о чем беспокоиться, ничто не заставит меня разлюбить тебя.

Она уткнулась головой в его плечо. Завтра они проснутся, зная, что собираются стать мужем и женой на всю жизнь.

Год спустя Джессика внимательно рассматривала гладкое обручальное кольцо из платины, сидевшее теперь на безымянном пальце ее левой руки рядом с кольцом, подаренным на помолвку. Она расставила пальцы, любуясь новым приобретением.

Отец Мэттью снова постучал вилкой по стеклу.

– Леди и джентльмены, прошу вас сесть и послушать выступающих. – Джессика перехватила пронзительный взгляд Маргарет, который та бросила на мужа, словно говоря: «Не забывай, коротко и ясно, это не твой выход на публику». Тот по привычке выпятил подбородок, подпернул манжеты, засучил рукава и не обращал на нее внимания.

Университетские приятели Мэттью, выстроившие перед собой ряд рюмок на накрахмаленной скатерти, выпили по одной, понимая, что наступает важный момент. Кому хотелось слушать речи на трезвую голову? Следуя, как обычно, примеру Джейка, они давно сняли пиджаки и визитки, ослабили или вовсе сняли галстуки, и небрежно подвернули рукава рубашек.

В двадцать три года Мэттью стал первым из их компании, кто решил жениться, что сразу же сделало его взрослым человеком. Они считали своим долгом как поздравить его, так и оплакать то, что один из них попался в ловушку. Их девушки переглядывались: прелестных спутниц объединяло лишь то, что все их партнеры отлично сдали выпускные экзамены в средней школе, получили высшее юридическое образование в Ноттингемском университете и теперь сидели за столом «Пьяниц и Распутников» под чудесным шатром в графстве Бакингемшир.

Один из «пьяниц» добился завидной стажировки, «главный распутник» готовился к сдаче экзамена в адвокатуру, и по меньшей мере двое других зарабатывали бешеные деньги в Сити, но, когда собралась вся компания, они забыли о своих карьерных различиях и вели себя как обычные двадцатитрехлетние парни, какими и были на самом деле. Напиваться, отпускать грубые шутки и пытаться заняться любовью стало модным поветрием.

Коллеги Мэттью, или те, кто сидел в «Бассейне с акулами», как указывала стоявшая на столе табличка, схватили по бокалу «Пино Гриджио Гран Крю» и «Шатоннеф-дю-Пап», тщательно подобранного к рыбе и оленине. Их перстни с эмблемой университета мелодично позвякивали о бокалы. Практикующие адвокаты со смешанным чувством неодобрения и зависти поглядывали на молодых щеголей за соседним столом.

Энтони Дин стоял во главе стола, одергивая шелковый жилет кремового цвета, пытаясь скрыть выступающий живот – свидетельство его обеспеченной жизни, – год от года с тревожной скоростью все больше нависавший над поясом. Прокашлявшись, он вскинул подбородок.

– Как чудесно, что сегодня мы можем принять всех вас здесь, чтобы отпраздновать свадьбу моего сына Мэттью и очаровательной Джессики. А теперь я хотел бы выпить за отца Джессики Роджера.

Джессика не думала о нем как об отце, он был просто ее папой. Из-под шатра раздалось громкое «ура!». Энтони поднял свой бокал.

– Итак, поблагодарим этого человека. Один раз вы уже выразили свое восхищение, а мы еще даже не приблизились к концу – это хороший знак. – По столам пробежал смех. Энтони сел и сложил руки на животе, поглядывая при этом на Роджера Максвелла.

Джессика наблюдала за тем, как ее папа встает. Разгладив на груди галстук, он вынул очки из футляра, обычно лежавшего на подлокотнике его любимого кресла, и водрузил их на нос. Он вынул из кармана лист бумаги форматом А4. Без особой спешки он прокашлялся, чтобы прочистить горло, и начал говорить ясно и искренне. Джессика едва удержалась, чтобы не вскочить с места и не прижаться к нему. Ее захлестнула волна любви и благодарности к этому человеку, впервые в жизни выступавшему перед публикой. Она понимала, как он нервничает, и была рада, что он не скрывает акцента, типичного для жителя графства Эссекс, гордясь своими корнями и тем, чего он добился для своей семьи благодаря лишь тяжелой работе и умению не упустить счастливый шанс.

Роджер оглядел собравшихся гостей:

– Не думаю, что смогу продолжать, не упомянув, какой красавицей сегодня выглядит моя дочь.

Его слова вызвали бурные аплодисменты, в ответ на что Джессика закрыла лицо руками, словно пытаясь спрятаться. Мэттью отвел ее руки от лица и помог встать. Она почувствовала, что от смущения ее шея покрылась красными пятнами, когда она, положив ладони на свою невообразимо тонкую талию, повернулась вполборота, чтобы продемонстрировать платье, идеально

подчеркивающее ее фигуру. Крошечные хрусталики на приталенном лифе из тонкого нежного кружева кремового цвета сверкали при свете свечей. Она низко поклонилась, прежде чем занять свое место рядом с мужем и взять его под столом за руку. Ее поступок вызвал громкий свист и аплодисменты, что было знаком восхищения, и, стараясь унять сердцебиение, Джессика прижала наманикюренные пальцы к груди.

Роджер помолчал, ожидая, пока шум утихнет, – он произносил свою речь, как настоящий профессионал.

– Помню, как в тихий субботний вечер мы смотрели телевизор, когда Джессика, вернувшись домой, рассказала нам с мамой, что на барбекю познакомилась с мужчиной, который так напился, что весь вечер называл ее Джоанной. Я быстро забыл об этом, но три месяца спустя юный Мэттью постучался в мою дверь для того, чтобы сообщить о своем решении сделать Джессике предложение! Я спросил его, не имеет ли он в виду Джоанну, думаю, благодаря этому лед тронулся.

По столам пробежала новая волна хохота.

Мэттью кивнул: все так и было.

– Слово «ураган» было придумано для этих двоих. Первый вопрос, который я, вполне естественно, задал Мэтту, был «ты сошел с ума, сынок?».

– О, Роджер! – запричитала Корал, мать Джессики, а потом рассмеялась, прикрывая рот ладонью.

– Вторым вопросом, разумеется, было «за кого ты болеешь?».

– «Куинз Парк Блади Рейнджерс», – раздался крик из-за стола «Пьяниц и Распутников».

– Да, – сказал в ответ Роджер, указывая на стол хулиганов, – и, позвольте признаться, что мне, который всю жизнь был болельщиком «Хаммеров», хотелось услышать совсем другие слова. Но все могло бы быть намного хуже. Он мог бы быть болельщиком «Миллволл», или, что еще хуже, он мог бы быть одним

из тех парней, которые любят только регби!

Раздался взрыв смеха. Всем была отлично известна страсть Энтони к регби. Джессика покосилась на отца. Он был великолепен.

– Думаю, что эта тема только вскружит его задиристую голову, если бог пошлет нам когда-нибудь внука, а меня отправят в родильное отделение с красным вином и голубыми лентами. Никаких возражений, парень.

– О! Круто! – прервали оратора друзья, сидевшие поодаль.

Роджер взял в руки бокал.

– Но шутки в сторону, мы не доверили бы заботу о нашей малышке просто красивому парню. Мы так гордимся нашей прекрасной девочкой, умницей и вдобавок ко всему художницей. Мы любим ее такой, какая есть, и такой, какой она станет. Кажется, совсем недавно она, держа меня за руку, делала свои первые шаги у нас в саду. – Он помолчал, проглотив комок в горле. – С самого первого дня я держал тебя на руках, Джессика Роуз, я любил тебя и буду любить до последнего вздоха. Я знаю, что Дэнни смотрит на тебя сегодня и, вероятно, смеется над своим стариком, который ведет себя как ребенок! – Он схватился за галстук. – Мы с мамой, мы желаем, чтобы вы были самыми счастливыми в мире. И если мы можем дать тебе маленький совет, то он таков: никому не удастся прожить жизнь без сучка без задоринки. Будь терпелива, когда наступят черные дни, потому что они пройдут. – Все вокруг молчали. – Неважно, насколько черны они окажутся, иди вперед. Даже если тебе будет казаться, что ты одинока, когда небо просветлеет и если тебе улыбнется удача, ты посмотришь направо и поймешь, что любимый человек все время находился рядом с тобой, держал тебя за руку, так что ты даже не замечала этого. – Он бросил взгляд на свою жену и улыбнулся. Потом он поднял свой бокал. – За Джесс и Мэтта. – Он отпил глоток, и все последовали его примеру.

Мэттью поднес к губам переплетенные с его пальцами пальцы жены и поцеловал их. Он подарил бы ей океан в коробке, если бы это было возможно: ничто никогда не могло сравниться с этой девушкой, которую он любил больше жизни. Джессика улыбнулась, бросив на него пристальный, понимающий взгляд.

Корал заплакала. Это было ожидаемо после упоминания в такой день, как этот, о Дэнни. Подружки Джессики по условному сигналу начали что-то кричать. По правде говоря, все, сидевшие за столом «Блудниц и Лентяек», старались изо всех сил, добродушно подшучивая. Однако всех их, видимо, тронули слова отца Джессики, отчего у них рекой потекли слезы. Все они знали и помнили Дэнни, старшего брата Джессики, теперь странным образом превратившегося в ее младшего брата, которому так и осталось четырнадцать лет. Особенно громко всхлипывала Полли, она уткнулась в льняную салфетку, размазывая по лицу губную помаду и тушь. Такое коллективное проявление эмоций отчасти было ответом на наполненные любовью слова мистера Максвелла, а отчасти объяснялось тем, что ни одна из них не могла представить себе, как изменится после замужества жизнь Джессики, которую в школьном альбоме выпускников называли «Маленькая мисс Болтушка, девушка, которая разговаривает даже во сне!». Похоже, что заканчивался определенный период их жизни, что стало своевременным напоминанием о том, что и они тоже рано или поздно сойдут с корабля, плывущего по морю одиночества.

Мэттью несколько раз пытался взять слово, но это было почти невозможно, поскольку друзья непрерывно кричали «Дино!» – таким было его прозвище в студенческой футбольной команде. В конце концов Джессика встала и, выбросив вперед руку с повернутой вниз ладонью, помахала ею в воздухе, призывая Джейку и парней к спокойствию.

– Ты такая командирша, Джесс! – завопил Джейк. – Бедный Мэтт!

– Я – не командирша, я – настойчивая. – Она улыбнулась лучшему другу своего мужа.

– Спасибо, моя настойчивая прелесть. – В ответ Мэттью поцеловал ее в лоб и благодарно кивнул.

– Все мы знаем, что Джесс не по силам молчать и не перебивать, пока кто-нибудь выступает, верно? Видимо, труднее всего мне будет заставить ее помалкивать не только сегодня, но и на протяжении всей нашей супружеской жизни. Роджер весьма любезно подарил мне вот эти штуки, чтобы я использовал их в экстренных случаях!

Мэттью наклонился под стол, а потом выпрямился, держа в руке пару оранжевых берушей. Все засмеялись и захлопали в ладоши, включая ее родителей. Джессика стукнула жениха по спине, а он продолжал:

– Здорово! Если говорить серьезно, то как это понимать? – Он посмотрел на Роджера. – И я должен сказать, что мой тесть произнес отличное напутственное слово. Стоит подумать о том, чтобы оставить занятия коммерцией и заняться юриспруденцией, а, Роджер? С таким стилем вы имели бы успех в зале суда!

– Верно! Верно! – перекрикивали другу друга его коллеги.

Джессика была невыразимо счастлива оттого, что ее папа и муж подружились. Это означало, что ее мечты о сочельниках, днях рождения и праздниках у моря, которые она рисовала в своем воображении, где они вместе с родителями смеются и играют в карты или едят рыбу и чипсы, осуществляются. От предвкушения у нее замерло сердце.

– Вполне вероятно, что сегодня я – счастливейший мужчина на всей планете... – начал Мэттью.

При этих словах Джессика улыбнулась, глядя снизу вверх на мужа, – счастливее дня в ее жизни не было.

18 января 2012 г.

Дорогой дневник!

Полагаю, что начать я должна именно так. В рекомендациях доктора нет ничего особенного. Итак, приступим. Что сказать? Сложно понять, о чем мне следует написать. Нельзя сказать, что в моей теперешней жизни много событий.

Сегодня днем у меня была процедура. Этот термин неточен, поскольку меня принудили к ней. Разве не странно, что даже предположительно приятные вещи, выполняемые по приказанию в этих кирпичных, выкрашенных грязно-белой краской стенах, не доставляют никакого удовольствия.

Ко мне приходила косметолог по имени Кимберли. Она носит длинные и объемные накладные ресницы и оттого моргает вяло и медленно, словно ее веки отягощены перистыми листьями. От этого мне захотелось потереть глаза. Она принесла с собой пластмассовую коробку, и я была уверена, что в ней лежат косметические принадлежности. Помню, у моего деда была похожая, она была наполнена испачканными краской кистями, отвертками, разномастными пуговицами, которые он, должно быть, подобрал у дома.

Кимберли сопровождала молодая, молчаливая ученица, которая краснела от неловкости, когда втирала масло в наши кутикулы и красила ногти лаком в пастельных тонах. Мне хотелось улыбнуться ей и сказать, чтобы она не волновалась, мы не заразные, но я больше не улыбаюсь.

Я села на стул, прикрученный к полу болтами, не дай бог, чтобы кто-нибудь и вправду схватил его в приступе медленно вскипающей ярости и бросил им в кого-нибудь. Следуя инструкциям, я села и положила ладони на стол, опустив вниз запястья и опершись ими о валик из свернутого в рулон белого полотенца, пока Кимберли работала взад и вперед пилкой для ногтей. Я посмотрела направо и налево, на девушек, сидевших по обе стороны от меня. Я была зачарована видом наших рук. Рук, которые невозможно было облагородить или отчистить обычным омовением и нанесением лака на ногти. Рук, запятнанных кровью и насилием. Одна пара рук задушила из-за денег престарелую тетюшку, другая – перерезала горло любовнику. Потом я стала думать о том, что сотворили мои собственные руки. Я внимательно рассматривала свои пальцы и вспоминала.

Затем я заплакала: я часто плачу. Помощница Кимберли нервно взглянула на меня уголком глаза, отвлекаясь от своей работы. Я увидела, как у нее вздулось горло, когда она пыталась справиться со своим страхом. Я могла бы угадать, о чем она думает. Что будет после слез? Не взбесится ли она? К примеру, она радовалась тому, что стулья прикреплены к полу. Мне хотелось бы выдавить из себя улыбку и сказать, чтобы она не беспокоилась, что я не приду в ярость и не ударю ее.

Я с отвращением посмотрела на свои тонкие запястья и кисти. То, что они совершили, пятнало все, что соприкасалось с ними. Пища, к которой они прикасались, превращалась в прах в моем рту, цветы лишались своего естественного аромата, приобретая запах ванной в тот день, а люди, случайно столкнувшиеся со мной, отшатывались, словно обжигаясь.

Все это и даже хуже я заслужила, потому что совершила самую ужасную вещь, на которую способна женщина.

Самую чудовищную.

Сделала ли я это умышленно? Да, да, умышленно.

Я – отвратительный человек, или я и вправду заслуживаю тех добрых слов и понимающих улыбок, которые иногда встречаются на моем пути, когда я прохожу по игровой комнате или по спортивной площадке?

Искренне ли это? Я не знаю ответа на этот вопрос.

2

Прошло менее суток после свадебных речей, когда обнаженная Джессика распахнула двери на балкон виллы на Майорке, принадлежавшей родителям Мэттью. Деревянные ставни, украшенные кованым железом, были широко распахнуты, открывая вид на светящееся голубое Средиземное море, а прозрачные занавески развевались под утренним ветерком. За окном и витой железной изгородью балкона не было видно ничего, кроме зеленых вершин гор Трамунтана. Даже в столь ранний час солнце нещадно палило, а издали, из деревни, доносился звон колоколов церкви Святого Иоанна Крестителя. Джессика посмотрела на Мэттью, уткнувшегося подбородком в ее плечо.

– Как чудесно! Думаю, это самое прекрасное место из тех, где я когда-либо бывала, не могу поверить, что я здесь! – Заложив прядь волос за ухо, она повернулась к мужу, лежавшему на мягкой постели, прикрыв тонкие ноги концом белой простыни. – И не могу поверить, что твои родители просто оставили ключ в консервной банке под кустом! Я удивлена, что на вилле никто не поселился без разрешения.

– Думаю, это маловероятно. Здесь все знают всех, ничего подозрительного, и у мамы с папой телефон зазвонил бы как оглашенный.

– Мы должны пойти прогуляться, посидеть где-нибудь и выпить кофе со свежее испеченным хлебом, а потом вернуться и снова заняться сексом! – Она отодвинулась, глухо стукнувшись об обитую парчой переднюю спинку кровати.

– Ради бога, Джессика, какой еще секс! Ты собираешься убить меня! – Мэттью накрыл ее голову подушкой.

– Ничего не могу с собой поделать, ты кажешься мне неотразимым. Ты должен радоваться этому. Масса женщин не любят заниматься сексом.

– Правда?

– Точно. Я читала в журнале. – Она шлепнула его по спине. – Подумай только, как тебе повезло, что ты не женился на одной из них, – сказала она, выбирая шоколадное печенье на блюде, стоявшем на ее прикроватном столике, и откусывая от него половинку.

– Во-первых, сегодня утром мне хотелось бы, чтобы я был женат на одной из них, я мог бы отдохнуть. Во-вторых, ты накрошишь на постель! – Он заворчал.

– Мэттью, у нас – медовый месяц. Ты не можешь жаловаться на то, что мы много занимаемся сексом или едим печенье в постели. Ты только пожалеешь об этом после того, как мы вместе проживем всю жизнь, и я каждые пять минут буду напоминать себе и тебе, что нужно пописать, и у тебя, как у всех обрюзгших стариков, появится брюшко, которое ты будешь подбирать ремнем, натягивая на него пуловер. – Она засунула в рот вторую половинку печенья.

Мэттью оперся о локоть.

– Я никогда не буду жаловаться на тебя. Ты – удивительная. Мне кажется, я – счастливейший из всех мужчин на свете. Никогда не меняйся. – Он пощекотал пальцами ее ладонь.

– Не буду. Разве что у меня появятся морщины. – Она состроила рожицу.

– Я буду любить каждую твою морщинку. – Он наклонился и поцеловал ее колено.

– А я буду любить твой животик и тощие ноги!

– Я возражаю! У меня не тощие ноги!

– Нет, но я видела твоего отца, и, спорим, у тебя будут такие же. Ты превратишься в него, я могу себе это представить. – Джессика потянулась за вторым печеньем.

– Иди ты! И после этого ты все-таки вышла за меня замуж? – Он захохотал и притянул ее к себе, в результате чего она оказалась сверху, соприкасаясь с ним всем телом, которое оведал легкий средиземноморский бриз.

Соскользнув обратно на кровать, Джессика положила голову мужу на грудь.

– Я не знаю другого человека, который мог бы сделать меня такой счастливой.

– Я тоже. – Он улыбнулся.

Джессика прижалась к нему.

– О господи! Это означает, что мы опять будем заниматься сексом? – Мэттью закрыл глаза и уткнулся лицом в подушки.

– Боюсь, что да, – согласилась она. – Просто лежи и пой «Иерусалим», и, если повезет, дело будет сделано еще до того, как ты дойдешь до второго куплета.

Повесив на руку корзинку, Джессика быстро спускалась вниз к усыпанному галькой пляжу. Она поискала глазами мужа, который, не столь уверенный в выбранном пути, пробирался вперед, неся полотенца и толстое одеяло, на котором можно было позагорать. Она нерешительно остановилась, прикрывая глаза от солнца, и не спускала глаз с мужа, пока тот не расстелил на гальке подстилку и не разложил сверху полотенца. Она понимала, что переживает прекраснейший момент своей жизни в прекраснейшем месте. Улыбаться было больно, но она ничего не могла с собой поделать. Ее переполняло счастье и возбуждение.

Когда она смотрела на Мэттью сверху вниз, ее сердце трепетало, а грудь переполняла радость. В шортах и вьетнамках он ходил от угла к углу, поправляя самодельный лежак, стараясь сделать его поаккуратнее и поудобнее. Джессика, водрузив на нос солнцезащитные очки, наблюдала за ним. Он был красив, солнце освещало его сзади, и он стоял в окружении золотистого тумана. В этот самый момент она поняла, что все ее счастье находится у него в руках. Оно казалось таким хрупким, что могло бы рассыпаться от одного неловкого жеста. Одной мысли о том, что ему наскучит любить ее той любовью, которая сейчас исходила от него, было довольно для того, чтобы она загрустила. Его любовь стала для нее чем-то вроде зависимости, наркотика. Он намного лучше ее. Он умнее, шикарнее, привлекательнее. Просто лучше. И в эту секунду она осознала, как она уязвима, осознала, что она может потерять обретенное счастье только оттого, что он переменится к ней. Эта мысль привела ее в ужас. Она вспомнила, как привела Мэттью в паб для первого знакомства с Полли, и поспешно убежала в туалет, чтобы узнать, какого она о нем мнения. Наклонившись над раковиной, Полли сказала: «Черт возьми, Джесс! Он болеет за «Манчестер Юнайтед»». Джессика знала, что та имеет в виду: он был из другого мира, что относилось не только к его внешности. Это говорило о многом.

– Ну вот, все готово, мадам, – поклонился Мэттью. – Ваше импровизированное ложе ожидает вас!

Джессика хмыкнула, ставя рядом с одеялом корзину, где лежал их завтрак и свежее испеченный хлеб, ломтики ветчины «Серрано» и надежно закрученная баночка с оливками. Она скинула сандалии, сняла широкополую шляпу и побрела к морю, позволяя плещущимся пенистым волнам омывать ее стопы.

– Ой, вода довольно холодная! – Она отступила назад.

– Ерунда! – усмехнулся он. – Просто тебе нужно набраться храбрости.

– Скорее, мне нужно согреться, а не набраться храбрости, – сказала она ему, глядя через плечо.

– Правда? – спросил он, снимая солнечные очки и бросая их рядом с корзиной.

Джессика стонала от предвкушения, пока он на всех парах преодолевал расстояние между ними, наклонив голову, словно разъяренный бык. Не оставив

ей времени для возражений, он схватил ее за талию и толкнул в воду, увлекая за собой. Соленая вода вздыбилась, засосав их обоих еще до того, как он перестал чувствовать дно под ногами, и поглотила, унося вместе с ним его пронзительно визжащую новобрачную. Они мгновенно вынырнули на поверхность, Мэттью смеялся, а Джессика что-то бессвязно лопотала от потрясения. Подняв кулак, она хотела ударить его, но он, поймав ее руку, притянул к себе и держал на руках, как ребенка, до тех пор, пока она не успокоилась в его объятьях, положив голову на его плечо и свесив ноги с его руки. Он кружил ее по воде, и волны мягко бились о них, отчего на коже оставалась соль, а волосы прилипали к лицу.

- Смотри, совсем не холодно, стоит только войти. - Он улыбнулся.

Она кивнула. Он был прав.

- Никогда не покидай меня, Мэтт.

- Я никогда не покину тебя. - Он поцеловал ее в нос. - Ляг на спину. Я поддержу тебя.

Мэттью убрал руки с ее стройной спины, и Джессика, соскользнув, легла на воду, раскинув руки и опустив голову в воду. Она лежала очень спокойно, а легкие волны плескались у ее ушей. Покоясь на нежных руках Мэттью, Джессика направила взгляд вверх, к горам.

- Мне кажется, что я лечу, - вздохнула она, когда он осторожно поднял ее на поверхность.

- Лети выше, золотая птица, я поймаю тебя.

Слегка выгнув спину, Джессика опустилась ниже в воду, наслаждаясь чувством невесомости. Ее переполняло ощущение покоя. Ей хотелось, чтобы они вечно стояли так, как сейчас.

14 марта 2012 г.

Иногда я ощущаю себя так, будто нахожусь внутри маленького ящика. Где бы я ни была, мне кажется, что я задыхаюсь, замкнутое пространство давит на меня, особенно когда на улице ярко светит солнце. Если бы я могла содрать с себя кожу, я сделала бы это. Здесь нет ни одного уголка, где я могла бы спрятаться, и ни одного уголка, где я могла бы стать самой собой, чтобы подумать хотя бы какое-то время.

В столовой воняет неприятным запахом изо рта, протухшей едой и вареными овощами. Это напоминает мне школьную столовую, и я почти уверена, что привыкну к этому запаху, но пока не привыкла. Сегодня мне дали порцию отварной солонины с парой вялых салатных листьев, прилипших к теплой тарелке. Я уставилась на тарелку, и женщина в сетке для волос, подавшая мне ее, сказала: «В чем дело, Рапунцель, ты хотела получить что-нибудь другое, чего нет в меню?» Если бы я только могла!

Все здесь сидят на своих, закрепленных за ними местах, на привинченных к полу скамейках, стоящих по обе стороны обеденных столов, закрепленных с обоих концов, одни собираются группками и жмутся друг к другу, шепчутся, другие смеются и болтают. Я, как обычно, сидела в одиночестве за пустым столом, но одна женщина, унизив собственное достоинство, села на скамейку напротив меня и следила за каждым моим движением. Она была ужасно худа и барабанила по столу испачканными чем-то желтым пальцами, ее длинные ногти неприятно щелкали о столешницу. На ней была надета уродливая серая майка, на которой виднелась осыпавшаяся печатная надпись «Нагасаки». Ее похожие на палки руки свисали из пройм, словно спагетти. «Табачок есть?» Она ухмыльнулась, глядя на меня, и я смогла увидеть маленькие черные пеньки вместо зубов, когда она смахнула с лица длинную челку. Я только покачала головой и постаралась не замечать ее. Не потому, что подобного не случилось раньше. А потому, что иногда я могу сохранять жесткую скорлупу, сковавшую мое сердце, а иногда не могу. Сегодня я не смогла, и я напугана. Печальна и напугана.

В детстве мне было все равно, насколько бессмысленно я проводила время или насколько насыщенной казалась мне моя жизнь, я всегда думала, что мама с папой все решат за меня, потому что они так и делали! Когда я переступала порог нашего домика на Хиллкрест-роуд, Ромфорд[2 - Город в графстве Эссекс.] казался словно окутанным теплым и безопасным коконом. Я не помню, чтобы когда-нибудь чего-то боялась, в нашем доме всегда было тепло и уютно. Папа чистил для меня клементины, удаляя всю белую сердцевину, которую я терпеть

не могла, и при этом пел: «О, моя дорогая...», и неважно было, когда и где я захочу спать, он накидывал мне на ноги одеяло и задергивал шторы.

Но однажды я шла за полицейским по тропинке и вошла вслед за ним в коридор, в тот день я лежала в кровати и слушала, как вопит и бранится мама, а папа удерживает ее, в тот день у меня так часто забилося сердце, что мне показалось, что я тоже могу умереть, я поняла, что мама и папа подвели меня. Больше не было безопасного кокона. Они не смогли уберечь нас, и я знала, что все оттого, что они позволили Дэнни умереть. И я потеряла веру в них.

Я думала о том, что они, возможно, были наказаны. Может быть, они сделали что-нибудь не так, и поэтому у них отняли Дэнни. Может быть, это была та невидимая сила, суммирующая добро и зло и приводящая все в равновесие. Вот так иногда происходит в мире, он жесток, жить в нем тяжело и трудно.

3

В Лондоне было сумрачно и, несмотря на то что стоял сентябрь, когда на заре зима нетерпеливо скребется в дом и задувает своим холодным дыханием солнечные дни, мы все еще продолжаем надеяться на теплую погоду.

Мэттью чувствовал, как его охватывает гордость всякий раз, когда он вставляет ключ в замочную скважину окрашенной в салатовый цвет входной двери своей сложенной из красного кирпича террасы эдвардианской эпохи на Мертон-авеню, отходящей от главной дороги в Чизике[3 - Чизик – западный пригород Лондона.]. Ощущение от того, что у него имеется ключ от своего собственного дома, – его первого дома – было сродни тому, которое испытываешь, заключив крупную сделку. Это с лихвой искупало беспокойное бурчание в животе, одолевавшее его в три часа ночи, когда он, собираясь пописать, раздумывал о размере взятой ипотеки и внушительном депозитном вкладе, подаренном его родителями.

Энтони сделал состояние, скупая дома после реновации и строя новые, много новых. Он был твердо убежден, что домовладение было единственным способом обеспечить будущее его сына. Помня об этом, он вскоре после помолвки без всяких комментариев перевел на банковский счет Мэттью сумму, равную его годовой зарплате. Разумеется, родители настояли на том, что это будет подарок,

но Мэттью считал его своего рода испытанием. Вернет ли он деньги? Сдюжит ли он?

Джессика влюбилась в этот дом сразу же, как только они приехали сюда, даже прежде, чем агент по недвижимости открыл входную дверь. Она погладила пальцами собачью розу, цеплявшуюся за решетку сбоку от входной двери и подвешенную на тяжелом крюке к притолоке. Войдя в дом, они ощутили ее пьянящий аромат.

– Только подумай, сколько народа прошло через эту дверь с тех пор, как был построен этот дом. – С сияющим лицом она повернулась в Мэттью. – Я могу представить себе женщин, которые, стоя здесь, махали рукой своим мужчинам, уходившим на войну, и держу пари, что они устраивали уличные гулянья в честь коронации королевы!

Мэттью кивнул, зная, что она права, а потом сам представил, как она сама день изо дня проходит через эту дверь и, стоя с другой стороны, за матовым стеклом, обдумывает, как принять Полли или своих родителей.

Потом Джессика с визгом вприпрыжку пробежалась по дому, выкрикивая: «Мне он нравится! Он мне ужасно нравится. Посмотри, как здесь просторно! И как светло, я могу работать здесь. Ох, Мэтт, посмотри вот сюда!» Вот и рассчитывай на то, чтобы казаться холодным и безразличным в присутствии агента по недвижимости с целью попытаться сбить цену. Мэттью улыбнулся, вспоминая тот день.

В тот же день они познакомились со своей ближайшей соседкой. Женщина слонялась вокруг маленького мусорного контейнера, стоявшего у нее за воротами, на ней был зеленый кардиган, коричневая твидовая юбка и то, что было похоже на мужские ботинки. Двигалась она медленно. Казалось, она не спешит выбросить наполовину наполненный пакет, явно надеясь если не познакомиться, то мельком взглянуть на молодую пару. Когда они выходили из дома, Джессика, перевозбужденная мыслью о том, что они станут владельцами этого дома, помахала ей рукой.

– Я прожила здесь всю свою жизнь. Это дом моей матери, – заговорила она, глядя на них прищуренными глазками, даже без намека на улыбку.

– Что же, вам повезло. Такая славная улица! – с лучезарной улыбкой сказала Джессика, стараясь расположить ее к себе.

– Я привыкла, – недовольно проговорила женщина, резко дернув головой и посмотрев на противоположную сторону дороги, отчего Джессику и Мэттью охватило беспокойство: не пришел ли кто-нибудь, положив конец приятному разговору. Женщина за шестьдесят, она была маленькой, не больше полутора метров ростом и хрупкого телосложения, с коротко подстриженными седыми волосами и с длинной челкой, которая издали была похожа на шлем. Губ у нее почти не было, а маленькие глазки смотрели из-под очков в оправе в стиле Джона Леннона.

– Я – миссис Плезент, – сказала она, прежде чем поспешно удалиться в дом.

Мэттью и Джессика чуть было не рассмеялись, возвращаясь в свою квартиру.

– По крайней мере, с нами рядом не будет наркопритона, и я не думаю, что из-за стены до нас будет доноситься много шума от занятий сексом, – сказала Джессика.

– Во всяком случае, с ее стороны! – саркастически заметил Мэттью.

– Она навела на меня жуть, – содрогнулась Джессика. – Как она объявила: «Я – миссис Плезент!», это было так странно.

– Я скажу тебе, что в ней странного – ее фамилия, поскольку она – одна из самых неприятных персон из тех, с кем мне доводилось встречаться»![4 - В переводе с английского фамилия миссис Плезент (Pleasant) означает «приятная, симпатичная».]

– Понимаю тебя, точно! Это верно, если только ее не зовут «Не-очень»! – И оба, еще громче захохотав, рухнули на диван.

Мэттью топтался у двери гостиной, глядя на жену, уютно устроившуюся на диванчике у окна. Одну ногу она подогнула под себя, а другую вытянула изящной дугой, положив на нее большой альбом для эскизов. Густые волосы

были небрежно завязаны в конский хвост, а легинсы вытянуты на коленках оттого, что она могла весь день просидеть в любимой позе. Именно в такие дни, как этот, он находил ее самой красивой: без макияжа, без прихотливых нарядов, но светившейся изнутри, поглощенной тем, чем заняты ее руки. Ее лицо было искажено от сосредоточенности, над носом выступила морщинка, а из уголка рта выглядывал кончик языка. Ее взяли на работу в агентство, обеспечивающее работой фрилансеров, и это был ее первый заказ. Джессика возбужденно прочитала вслух краткое описание.

– Детская книжка! – взвизгнула она. – Нам нужны лесные создания как мужского, так и женского пола, которые должны быть привлекательными и неагрессивными и состоять из природных элементов, что относится как к их внешности, так и к костюму. Блестяще!

Подняв глаза, Джессика пристально посмотрела на мужа: галстук у него съехал набок, а под глазами появились темные круги от ежедневных поездок из пригорода в город.

– Как прошел день, мистер Важный адвокат?

– Я еще не важный адвокат, Джесс. Если бы я был им, я бы не проводил большую часть дня, шурша бумажками и отыскивая разные справки по запросу своих коллег-кретинов, стоящих выше по карьерной лестнице. Сегодняшний день был и вправду очень скучным. И длинным. Как только кто-нибудь произносит слова «обстоятельства дела» в связи с каким-либо клиентом, я понимаю, что для меня это означает, что на следующий день мне придется с головой зарыться в документы либо не отрывать глаз от монитора, или что-нибудь в этом роде.

– О, бедный Мэтт, – вздохнула она.

– Я говорил тебе, что это скучно? – спросил он, роняя портфель на пол и кидая ключи на пристенный столик, после чего он сполз на пол, прислонясь к косяку двери. – Знаешь, как я завидую тебе оттого, что ты можешь работать в пижаме, пить чай, когда тебе захочется, удобно устроившись на диванчике у окна и слушая радио? Ты живешь так, словно ты выиграла в лотерею, не обращая внимания на проклятый мир! – Он улыбнулся ей.

Джессика кивнула.

– Ты прав, но зато, сделав сказочный карьерный выбор и работая внештатным художником-иллюстратором, я едва зарабатываю на то, чтобы питаться консервированной фасолью, может быть, даже всего лишь на полбанки, и, если бы у меня не было такого умного и хорошо оплачиваемого мужчины, который содержит меня, я была бы беспомощной. – Она содрогнулась.

– Найдется немало женщин во всей стране, которым после того, как они услышат подобное заявление, станет не по себе в их майках с надписью «Все мужики – сволочи».

– Это правда. – Засунув карандаш в рот, Джессика перелистывала страницы своего альбома. Ею овладели сомнения. Ей нравилось рисовать, это было то, что она умела и к чему у нее был талант – настоящий талант, – но если она не могла зарабатывать этим деньги, тогда какой смысл?

– Я сомневаюсь, что ты долго оставалась бы беспомощной, – добавил Мэттью. – Не похоже на это.

– Посмотри, что я сделала за сегодняшний день. – Джессика, проигнорировав его замечание, развернула альбом в сторону мужа и показала замысловатый карандашный набросок с фигурой создания, похожего отчасти на девушку, отчасти на фею, с заостренными ушками, торчащими из-под блестящих густых кудрей. У нее были огромные глаза и личико в форме сердца. Губки были пухлыми, а на голову был надет венок из полевых цветов. – Она – лесная фея и старается спасти мир от чар злого волшебника.

– Здорово, какая красавица! – Мэттью, как всегда, был почти сражен талантом своей жены. Ему было невдомек, как можно так искусно изображать мельчайшие подробности всего лишь с помощью светотени и карандашной штриховки. – Она напоминает мне тебя.

– Заостренными ушками, да? – Джессика заправила волосы за уши.

– Да. И сексуальными губами.

Джессика вздохнула.

– Что ты хочешь сначала, ужин или секс? – прозаично спросила она, вставая и кладя альбом с карандашом на пол.

Мэттью выдернул галстук из-под воротника и рухнул на диван.

– Как сказать, все зависит от обстоятельств. А что у нас на ужин?

– Я подумывала приготовить пасту с горстью креветок, добавить немного чили, сбрызнуть сливками, сделать гренки из чесночного хлеба и налить по бокалу вкусного теплого красного вина... – Она как попугай повторяла услышанное в кулинарном шоу, которое в обед смотрела по телевизору. В то же время она сняла резинку с волос и распустила их по плечам.

– О, ужин как будто будет вкусным! – поддразнил Мэттью, подходя к жене и заключая ее в объятия. – Но, полагаю, небольшой сеанс секса не повредит, по правде сказать, это, возможно, станет самым нескучным моментом за сегодняшний день.

– Хорошо, тогда договорились. Здесь или наверху? – Освободившись от его объятий, Джессика с бесстрастным выражением лица сняла носки и подбросила их в воздух.

– Думаю, наверху. – Мэттью сбросил туфли с ног и расстегнул пуговицы на рубашке. – Знаешь, я догоню тебя, представь, что я – злой волшебник! – Он зарычал и бросился к ней, задрал руки и согнув пальцы, как когти.

Джессика завизжала, промчавшись наверх по лестнице, и бросилась в постель. Она терпеть не могла, когда ее преследовали. Мэттью схватил ее и целовал в шею до тех пор, пока она не начала пронзительно хохотать, а ее лицо не засветилось счастьем.

Положив голову на грудь мужа, она замедлила дыхание, принаравливаясь к ритму его сердцебиения. Она заурчала, почувствовав, как Мэттью поглаживает рукой ее волосы, паутиной опутавшие его кожу.

Джессика посмотрела на будильник у кровати.

– Я почти уверена, что мы опоздали с ужином. Поздновато для пасты и вина. – Она ухмыльнулась.

– Я встану через минуту и принесу тосты с медом и чай. Как тебе? – Он поцеловал ее в макушку.

– Я думаю, это замечательно. – Джессика, опершись на локоть, пристально рассматривала мужчину, который выглядел совершенно взъерошенным со стоящими дыбом волосами.

– Я по-настоящему счастлива. – Она улыбнулась.

– Что же, если бы я знал, что тосты с медом – это то, что тебе надо, я давным-давно предложил бы их тебе.

Внезапно ее лицо стало серьезным.

– Я серьезно, Мэтт. Я знала, что люблю тебя и хотела быть с тобой, но я не имела никакого представления о браке, и я чувствую... – Она теребила однотонное белое постельное белье из египетского хлопка, стараясь подобрать нужные слова.

– Что ты чувствуешь? – подтолкнул он ее.

– Я чувствую себя спокойно и в безопасности.

– Отлично. Это моя задача – сделать так, чтобы ты чувствовала себя именно так.

– Мне легко оттого, что я знаю, куда идет моя жизнь, и оттого, что мне больше никогда не придется расфуфыриваться, собираясь на свидание. Конечно, исключая свидания с тобой!

– Конечно.

– Иногда у меня возникает желание заползти внутрь тебя и остаться там навечно, просто свернуться комочком у тебя в животике. Я думаю, так я была бы ближе всего к тебе, и мне бы там понравилось.

– Должен сказать, мне вполне довольно того, что ты не сидишь у меня в животике. Было бы очень сложно поиметь тебя, и я не понимаю, как ты могла бы приготовить ужин. – Он засмеялся. – Не то чтобы ты часто готовила ужин. Но когда ты его готовишь, ты становишься черной как смоль!

– Я пытаюсь говорить серьезно, Мэтт. Я не знала, что чувства миссис Мэттью Дин будут совсем другими, но они совершенно изменились, в лучшую сторону. Я чувствую себя в безопасности.

– Ты – в безопасности, – прошептал он. – Я никогда не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. – Он дотронулся большим пальцем до ее руки и провел по фиолетовой вене, извившейся у нее под кожей.

– Я понимаю, что мы молоды, и это может показаться глупым, но я всегда боялась постареть. Я не могла вообразить себе, как это будет. Но теперь я больше не боюсь. Я знаю, что, когда я с тобой, все в порядке. Даже если это означает старость, и морщины, и запах мочи.

– Я буду считать тебя сексуальной, когда ты станешь старой и морщинистой и будешь пахнуть мочой.

Джессика засмеялась и поцеловала мужа прямо в губы, чувствуя, как ее охватывает любовь к этому мужчине и его телу. Она забралась на него и снова поцеловала. Тостам придется немного подождать.

29 августа 2012 г.

Длинные-длинные летние дни почти закончились. Я не могу видеть деревья или нюхать цветы, аромат которых доносил до меня легкий ветерок, если не считать сорока минут ежедневно, что для меня совсем недостаточно. Я стою и глотаю ртом воздух, делая глубокие вдохи, насыщаясь удивительно свежим воздухом, не проникающим через кондиционер.

Сейчас для меня не самое любимое время года, я люблю осень. Несмотря на то, что все эти годы сплошь похожи на один осенний день. Воздух пах, как в «Ночь Гая Фокса»[5 - Ночь Гая Фокса, или Ночь костров, отмечается в Великобритании

в ночь на 5 ноября в честь провала «порохового заговора» (1605 г.), когда группа католиков-заговорщиков пыталась взорвать парламент.], землей и сыростью, мне всегда нравился этот запах. Было пять часов вечера. Машины ехали с включенными фарами, хотя еще не совсем стемнело, шел дождь, и все было подернуто дымкой, изумительной дымкой. Я застегнула до горла молнию на куртке, потому что было немного зябко. В моей памяти не отложилось ничего, что происходило в тот день вплоть до этого самого момента, это был обычный школьный день. Но я все еще помню его в мельчайших подробностях. Я помню, как сидела в автобусе, раздумывая, смогу ли я сделать домашнее задание, пока буду смотреть сериал «Малколм в центре внимания», или же мама отошлет меня наверх, в мою комнату.

Половину пути я просидела с левой стороны в одиночестве, уперев ногу в пол, чтобы не потерять равновесия, когда водитель круто сворачивал за угол. Услышав шипение тормозов, я встала как раз перед тем, как автобус остановился, и приготовилась стащить свой рюкзак с проволочной сетки над головой. Он был тяжелый. Я видела, как он начал падать, и подставила руки так, чтобы он свалился прямо на меня. Мои руки были высоко подняты, когда двери со скрипом открылись, и я услышала шум, за которым последовал пронзительный, визгливый звук трущейся об асфальт резины, потом появился дым, и запахло как будто бы рыбьим жиром, химикатами и чем-то горелым. Кто-то закричал. Это я тоже помню.

Потом я сидела на заднем сиденье полицейской машины. Вращающаяся сигнальная лампа освещала фиолетово-синим светом дома, впрочем, они отключили сирену. Машина въехала на тихую улочку, на которой мы жили, и занавески на окнах заколыхались только от самого присутствия на ней полицейской машины. Водитель и его коллеги надели каски и направились по тропинке к входной двери. Я забеспокоилась о том, что они забыли обо мне, и стала стучать в окно, тогда один из них обернулся и молчаливо улыбнулся мне. Я поняла, что они специально оставили меня здесь.

Мама открыла дверь и стояла, вытирая руки кухонным полотенцем. Кто бы мог подумать, что эти узкие оранжевые и красные полоски так отчетливо сохранятся в моей памяти.

Я успокоилась, сидя у окна машины и вдыхая прохладный вечерний воздух. Они не знали, что я все слышала. Я теребила нитку на подпушке своей юбки, глядя, как распускается шов, когда я тянула за нее.

Полицейский сказал: «Случилась авария», и я услышала, как мама говорит: «Не с Дэнни?», а потом начинает задыхаться. Даже теперь, спустя десять лет, я отлично слышу ее. Что-то удержало меня от того, чтобы выбежать из машины, броситься к ней в объятия и спрятать лицо у нее на груди, чтобы она смогла крепко прижать меня к себе.

Я смотрела на ее лицо, когда до меня снова долетели слова: «Ваш сын спешил вернуться от школьного автобуса, он выскочил сзади... Уже темнело... Автобус затормозил... но... он в больнице Оулдчерч».

Я так часто повторяла эти слова про себя, снова и снова, пытаюсь понять, почему они причиняют мне такую боль. «Не с Дэнни? Не с Дэнни?» – сказала она, поднося к груди руку со смятым в ладони кухонным полотенцем. А потом прерывисто задышала.

И потом, я была так уверена, что она права. Дэнни был чистое золото. Я была утешительным призом, в лучшем случае бронзой. Позднее Мэттью часто будет называть меня своей золотой птицей. Разумеется, до того, как я оказалась здесь. Я не знаю, как он стал бы называть меня теперь, если бы он только пришел, пусть называл бы меня как угодно.

4

Джессика расплатилась за такси, пихнув водителю смятую десятку и торопясь как можно скорее оказаться на другой стороне тротуара.

– Спасибо! – крикнула она и, махнув рукой через плечо, прыгнула на тротуар и стала шарить в сумке в поисках ключей от входной двери.

– Добрый вечер, миссис Пи! – Джессика тут же пожалела об излишне фамильярном приветствии, сорвавшемся с ее губ. – Что-нибудь планируете на Хэллоуин? Если хотите, можете взять вот это! – Джессика протянула ей белые пластмассовые зубы вампира, которые весь день носила Полли.

Соседка проигнорировала протянутую ладонь Джессики.

– Я – миссис Плезент, – произнесла она, исчезая за своей дверью и неодобрительно потряхивая головой.

– Эй, Мэтт! Мне так жаль. О боже, я – полная идиотка! – крикнула Джессика. Войдя в дом, она бросила сумку за дверь и побежала через коридор по ободранному деревянному полу. Она поспешно вошла в светлую, просторную кухню с застекленной крышей, расположенную в пристройке за домом.

Мэттью, в смокинге, белой рубашке и с черным галстуком-бабочкой, сидел у барной стойки, его недавно вычищенные туфли стояли на перекладине табурета, а на носу были очки. Он уставился в свой iPad, читая свежие документы и потягивая джин-тоник, разбавленный лаймом. Подняв голову, он вздохнул.

– Ну, привет, мистер Бонд. Полагаю, ты ждешь меня? – прошепелявила Джессика сквозь неудобно сидящие во рту зубы вампира. – Нет! Нет! Нет! Прошу тебя, не обижайся. Прости, любовь моя. Я знаю, что опоздала. – Джессика сняла зубы и выставила вперед обе ладони, словно регулируя движение.

– Я не обижаюсь, – с холодком парировал Мэттью, постукивая пальцами по столешнице.

– Я бы сказала, что чуточку. Потому что мне было так весело, а тебе ничуть не пришлось повеселиться. Вдобавок все написано на твоём оскорбленном лице. Но я обещаю, что соберусь в темпе, и тогда посмотрим, сможем ли мы прогнать с твоего лица эту хмурюю гримасу! – Она усмехнулась.

Несмотря на раздражение, Мэттью улыбнулся своей возбужденной жене, болтавшей без умолку.

– Я опоздала не по своей вине! Прости, малыш, – продолжала Джессика, сбрасывая с ног ковбойские сапоги и кидая их в кучу посреди комнаты. – Я была в пабе, что вниз по течению реки, вместе с Полли и Джейн, и я говорила им, что мне нужно вернуться и пойти вместе с тобой на очень важную вечеринку в компании адвокатов, и Полли даже установила будильник, чтобы я не отвлекалась постоянно, и только тогда мы заказали по большой порции десерта «Итон месс», который, по правде сказать, был изумительным, сливок и клубники

в нем было как раз в меру. Во всяком случае... – Она сглотнула. – Джейн спросила меня, что я собираюсь надеть сегодня вечером, и я вспомнила, что отдала свое платье в химчистку и не забрала его. Поэтому я ушла, даже не заплатив за себя, за что Полли, несомненно, даст мне нагоняй, хотя она так и не отдала мне деньги за подарок, который мы покупали вскладчину, отмечая гражданский брак Макса и Дрю, ты помнишь? Самый уродливый чайник в мире, который мы купили на рынке в Гринвиче? Так вот, мы с Полли собирались поделить затраты поровну. Как бы то ни было... – Джессика покрутила рукой в воздухе. – Я заплатила за такси, но когда я добралась до отеля «Мэйфлауэр» на станции Голдхок-роуд, догадайся, что я увидела? – Джессика наконец перевела дух, снимая джинсы и кидая их вывернутыми наизнанку через обеденный стол на стул из столового гарнитура, потом она, съезжившись, стянула с себя свитер и подбросила его над головой.

– Химчистка была закрыта? – предположил Мэттью и выключил iPad, решив вместо этого посмотреть, как его жена устраивает стриптиз на кухне.

– Закрыта! Ублюдки. И я просто случайно назвала нашу соседку «миссис Пи», и не думаю, что она была от этого вне себя от радости. Ох, мне нужно выпить. Ты думаешь, у меня есть время пропустить стаканчик?

Стрелки кухонных часов быстро приближались к 7, именно в это время им было нужно выйти, чтобы попасть на банкет в ратуше, начинавшийся в 19.45. С виноватым видом посмотрев на часы, Джессика достала на четверть опустошенную бутылку «Пиммса»[б - Пиммс (Pimm's) – традиционный английский крюшон.] и литровую бутылку охлажденного лимонада.

– Будь добр, Мэтт, налей мне большой бокал, пока я схожу за туфлями. – Она улыбнулась, со стуком ставя бутылки на кухонный стол, и стремглав побежала по полу в бюстгальтере и трусиках, а потом остановилась напротив огромного бельевого шкафа из шероховатой сосновой древесины, стоявшего в холле и наполненного до краев множеством туфель и сапог, большинство из которых, честно говоря, казались Мэттью необыкновенно похожими.

– Ох, идите к мамочке, маленькие красавчики! – Наклонившись, Джессика зарылась глубоко в шкаф и вынырнула оттуда с парой прелестных серебристых лабутенов в руке. Прислонясь к кухонной столешнице, она задрала левую ногу. – Мэтт, я постараюсь собраться как можно скорее. Просто посмотри на эту красную подошву, скажи, разве ты видел когда-нибудь что-нибудь более

прекрасное? Господи, если бы, когда мне было восемнадцать, кто-нибудь сказал мне, что через пять лет я буду замужней женщиной, которая, чтобы шикарно выглядеть, должна носить лабутены, я сказала бы, что у него крыша поехала! – Джессика тряхнула своими длинными, темными волосами, распушенными по плечам, и возбужденно усмехнулась.

Наливая жене вино, Мэттью подавил в себе желание. За два года он узнал ее с лучшей стороны, они были женаты уже пять месяцев, и ее вид в белом кружевном нижнем белье, в туфлях на шпильке произвел на него такое же действие, как всегда. Он знал, что вид его совершенной, возбуждающей, сексуальной, необязательной, беспорядочной жены никогда не наскучит ему, не сможет наскучить.

– Они действительно очень красивы. А теперь глотай вино, а я вызову такси. Мы не можем опаздывать. Опять. – Мэттью потянулся к телефону, пока Джессика, осушив залпом бокал, уплетала землянику, которую он положил рядом с ее бокалом.

– Знаешь, я хочу повторить. – Она показала на пустой бокал. – И обещаю, что буду готова к тому времени, когда приедет такси. По рукам? – подмигнула она.

– Разве у меня есть выбор? – ухмыльнулся Мэттью, потянувшись к ее бокалу, и достал один для себя с полки, висевшей над раковиной.

Открыв косметичку, Джессика, похлопывая пуховкой, нанесла темную пудру вокруг зеленых миндалевидных глаз, а потом, зацепив палочкой каплю ярко-розового блеска, подкрасила губы. Наклонившись вперед и отстранившись от мужа, она откинула волосы вперед и взъерошила их пальцами у корней, а затем, приведя их в нормальное положение, медленно выпрямилась. Повернувшись к Мэттью, который сидел у нее за спиной на табурете, она взяла из его рук бокал и, хотя не прошло еще и пяти минут, выпила второй коктейль.

Допив свой бокал, Мэттью посмотрел на часы, стрелки которых теперь двигались очень быстро.

– Нам правда нужно идти, Джесс. Мы сидим за столом Магнуса, а ты знаешь, каков он.

– Отлично знаю. Злобный босс. Мы обсуждали его сегодня за ланчем. Полли говорит, что хотела бы заняться им, рассмешить его. Я сказала ей, что это вряд ли произойдет, но ты же знаешь Полли, она упорная! У тебя был тяжелый день?

– Не сказать чтобы тяжелый, но суматошный, и я всегда испытываю стресс, когда опаздываю. Ну, ты знаешь. – Потягивая коктейль и глядя на свою красавицу-жену, в этот момент наклонившуюся над открытым выдвижным ящиком, Мэтт подумал о том, что внезапно совсем перестал волноваться из-за того, что они опаздывают.

Почувствовав его взгляд, Джессика обернулась, ее лицо медленно осветилось улыбкой. – Ну, я полагаю, что есть одна вещь, которая поможет тебе снять стресс, – жеманно сказала она. Подойдя к нему, она устроилась у него между ног и стала играть с его галстуком-бабочкой. Прижавшись к нему, она поцеловала его в шею.

– Джесс, ты – распутница! Нам нужно выходить. – Мэттью потер бровь, поборов в себе разгоравшееся пламя страсти и пытаясь сосредоточиться на том, что его где-то ждут и это имеет отношение к его работе. – Это совсем не то, что кинуть Джейка в баре за минуту до окончания викторины или наврать моим родителям, что мы замерзли и не будем полдничать. Это моя работа!

– Я знаю, – кивнула она. – Я не могу устоять, по мне, так ты просто неотразим. И мы могли бы сделать это очень быстро! – Джессика засмеялась, довольная тем, что этот мужчина заставляет ее ощущать себя самой сексуальной из живущих женщин. Он внушал ей уверенность в себе, которой она никогда не испытывала до того, как влюбилась в него.

Покачав головой, Мэттью обхватил руками талию жены.

– Я люблю тебя, миссис Дин. Я тебя очень сильно люблю. – Он поцеловал ее в ямочку между ключицами.

– Хорошенькое дельце, правда? – Склонив голову, она посмотрела на него из-под опущенных ресниц.

– Чертовски, – улыбнулся он.

Джессика целовала его в губы, добиваясь своего и наслаждаясь их подстегиваемой алкоголем близостью.

– Полагаю, ничего не случится, если мы опоздаем минут на десять, разве не так? – Мэттью вздохнул, а Джессика, сорвав с его шеи галстук, надела его себе на шею. Потом она расстегнула пуговицы на его рубашке.

– Все будет прекрасно, и мы подарим себе такие счастливые десять минут, которые запомнятся навсегда, навсегда, навсегда! – Она смеялась, просовывая руку под белый хлопковый пластрон и лаская его грудь.

– Меня никогда не повысят по службе! – завопил Мэттью. – Как я могу смириться с тем, что меня никогда не повысят, причем по той причине, что я не могу вовремя выйти из дома, потому что моя жена слишком сексуальна. Это полная чушь! – Покачав головой, он погладил ладонью ее спину, задержавшись на бюстгальтере и с удовольствием обдумывая, что бы солгать на этот раз.

– Тебе не стоит беспокоиться о повышении. Я очень мало ем, и моя единственная слабость – это роскошная обувь, – засмеялась она, откинув голову назад.

– Нам все еще предстоит выплачивать ипотеку, – напомнил он ей.

– Мне наплевать на ипотеку. С милым рай в шалаше! – выкрикнула она.

– Господи, ты, должно быть, пьяна! Я знаю, как ты любишь этот дом, – смеясь проговорил Мэттью.

– Люблю, но не так сильно, как тебя.

Мэттью потянулся за пультом и нажал на него, включая док-станцию, из динамиков донесся громкий голос Кельвина Харриса, исполнявшего песню *Feel So Close*.

– Класс! Мне нравится эта песня! Она напоминает мне о том, как мы познакомились. Ну! – Джессика набросилась на него и притянула к себе. – Давай, потанцуй с Джоанной!

Она на каблуках подбежала к станции и прибавляла звук до тех пор, пока ритм не стал отдаваться от их ребер и бокалы на полке не начали подпрыгивать от басов. Обхватив голову руками, Джессика кружилась и танцевала под эту песню, останавливаясь только для того, чтобы отпить из бокала и передать его своему любимому. Мэттью как никогда скоро был очарован своей эффектной женой, танцующей на кухне на каблуках и в нижнем белье. Коктейль закончился, и послышалась мелодия в другом ритме. Быстрый танцевальный ритм сменился нежной и западающей в память песней Адели Someone Like You. Джессика медленно подошла к своему мужчине и, скользнув в его объятия, обхватила его за шею. Мэттью обнял ее, и они раскачивались посреди кухни, опьяненные коктейлем. Они медленно танцевали, потом перешли к поцелуям и, в конце концов, упали на пол, где Джессика сбросила свои лабутены, и Мэттью, избавившись от своих комплексов, занялся любовью со своей неотразимой женой.

Мэттью пригладил волосы и поддернул манжеты, бочком пробираясь на место рядом с боссом. Он кивнул в знак приветствия своим коллегам, они, видимо, справились с первым блюдом и ожидали второго. Джессика расцеловала супругу Магнуса в обе щеки.

– Простите нас за опоздание, Магнус, на дорогах – сущий кошмар, что-то случилось на шоссе А4. Полная неразбериха. – Избегая смотреть ему в глаза, Мэттью сосредоточился на том, чтобы расправить салфетку на коленях.

– О, нужно было позвонить мне. – Магнус помолчал. – Мы могли бы заехать за вами. Мы ехали из Хитроу и практически проезжали мимо вашего дома. Нам не составило бы труда просигналить вам.

Потянувшись к кувшину с водой, Мэттью пытался придумать, что сказать.

– Может быть, есть два шоссе А4, а, Мэттью? – подмигнул Магнус своему подопечному и, к счастью, предпочел не обращать внимания на следы губной помады на воротничке его рубашки и такие же пятна на шее.

7 декабря 2012 г.

Некоторое время тому назад мне подарили эту красную книжечку, и я совсем не вспоминала о ней до тех пор, пока не принялась распаковывать здесь свою сумку в тот первый одинокий день в этом ужасном месте. Я нашла ей хорошее применение. Первый год моего пребывания здесь почти на исходе. Я помню, когда я только приехала сюда, доктор сказал: «Не кажется ли вам, что неплохо было бы все записывать сюда, как хорошее, так и плохое. Как вы к этому относитесь, Джессика? Думаете, вы справитесь с этим?» Он пытался заручиться моим согласием, уговаривая, как ребенка. Вместо ответа я пожала плечами. Мне никогда не хотелось, чтобы это превратилось в рутину, вроде выполнения теста или заполнения формуляра. Сначала я решила записывать все подряд и посмотреть, что из этого получится, зная, что я всегда могу вырвать страницы, если мне не понравится то, что я написала. Как бы то ни было, в этом году я сделала всего четыре жалкие записи, вероятно, их недостаточно для того, чтобы убедить всех в том, что я «смирилась», на чем они ежедневно настаивают, взывая к чувству вины и страху, которые ежедневно точат меня. Я обрадовалась, найдя эту записную книжку среди своих вещей, хотя не знаю, кто положил ее туда для меня. Ее темно-красный переплет – восхитительное цветное пятно в этом серо-бежевом мире. И у нее – красивые кремовые страницы с ручным тиснением. Она так совершенна, что мне стоит большого труда писать в ней.

Раньше я никогда не вела дневник. Однажды, после смерти Дэнни, я пыталась, но продержалась недолго. Сидя на кровати, прикрыв ноги пуховым одеялом, прислонясь к стене и подложив подушку под свою тощую спину, я пристроила книжечку на коленях. Мне казалось, что я должна написать что-то важное, но я не написала этого. Зато после долгих раздумий я решила написать о том, что ела на обед, кто мне был симпатичен в школе и какая песня мне нравится. Но, когда однажды я пораньше вернулась из школы домой, то увидела, как мама читает на кухне мой дневник. Я не могла поверить, что она украла мой личный дневник, но инстинктивно нырнула за дверь вместо того, чтобы закричать. Она меня не заметила, но я видела ее искаженное от слез лицо, когда она положила книжку на стол. Я могла бы представить, что она рассердится: «Как ты могла писать о таких глупостях, как ланч, музыка и мальчики, когда мы потеряли Дэнни! Навсегда потеряли!» Она не произнесла этих слов, но, как бы то ни было, я слышала их. Я была убеждена, что они все время были у нее на уме.

После этого я сделала несколько коротких записей, тех, которых, по моему мнению, она ожидала от меня: «Я смотрю на звезды и думаю о своем брате. Я не выношу, когда дверь в комнату Дэнни остается открытой и я вижу его кровать, и знаю, что он больше никогда не ляжет спать, укрывшись своим пуховым одеялом». То и другое было правдой, но так далеко от того, что мне хотелось бы

написать, что вскоре мой дневник стал похож на фантастическую повесть, сотканную из обрывков чужой жизни. И поэтому я вообще перестала писать. Я оставила книжку на прикроватной тумбочке в надежде, что мама, возможно, посмотрит ее и поймет, что я любила Дэнни и что я – хорошая дочь и хорошая сестра. Это было правдой – я действительно любила своего брата. Но все-таки считала, что мой дневник – бессмыслица и обман, и это превращало его в ничто.

Этот дневник будет совсем другим. Никто и никогда не увидит и не прочтет его. Я уничтожу его, когда расскажу обо всем, о чем хочу рассказать. Он никому не принесет пользы. Он – для меня и только для меня. Я могу сказать все, что хочу. Я докажу это прямо сейчас. Я напишу о трех вещах, о которых не говорила ни единой живой душе. Итак, приступим.

Во-первых, когда мы отдыхали в кемпинге, в Девоншире, ключи от машины не исчезли чудесным образом, я выбросила их в реку. После этого я села на траву и наблюдала, как мама с папой ссорятся и мама плачет, а Дэнни, который терпеть не мог никаких конфликтов, все больше замыкается в себе. Я была шестеркой. Мы ждали несколько часов, пока приедет специалист и заменит замки. Он содрал с нас втридорога! Я выбросила ключи потому, что думала, что если мы не сможем поехать домой, то сможем остаться на отдыхе навсегда. Маме не пришлось бы возвращаться на ее дерьмовую работу подавальщицы в школьной столовой, а папа мог бы дремать после обеда и пить пиво по вечерам перед тем, как мы все со смехом уляжемся спать. Но наш отдых не продлился вечно. Вместо этого мы ехали домой в ледяном молчании, а папа все время качал головой, поскольку для того, чтобы разобраться с машиной, он потратил сумму, отложенную на покупку бензина в следующем месяце. Мне все еще стыдно за это. Особенно потому, что я испортила один из последних для Дэнни выходных дней. Я испортила его ему и испортила всем воспоминания об этом дне.

Во-вторых, я сжульничала, сдавая экзамен по биологии на сертификат об окончании средней школы. Я срисовала диаграмму у Нейла Уиттейкера. Он сидел рядом со мной, и, списав у него, я получила отличную оценку. Отличную оценку! В конце дня я позволила крепко обнять себя учительнице, но ее поздравления застряли во мне как кость в горле, я не смогла проглотить ее.

И в-третьих...

И в-третьих.

Я не знаю, как написать об этом, но начну. В-третьих, когда я думаю о том ужасном, что я совершила, я спрашиваю себя, смогла ли бы я остановиться и поступить иначе, сделать так, чтобы исход был другим, если бы кто-нибудь предоставил мне возможность повернуть время вспять. И на это я отвечаю отрицательно, я не думаю, что поступила бы или смогла поступить иначе, и это пугает меня больше, чем я могу выразить словами.

5

С быстро коченеющими от холода пальцами Джессика скрутила венки на двери и поправила клетчатую ленту так, чтобы она плотно прилегала к покрашенной в салатовой цвет древесине. Она слегка подпрыгивала от возбуждения. Это было их первое Рождество в новом доме, и ей хотелось, чтобы все прошло идеально.

– Смотрится так, будто кто-то умер, – раздался голос миссис Плезент с другой стороны низкой изгороди.

В полумраке Джессика пригляделась к угрюмому лицу женщины. Она не собиралась позволять никому и ничему испортить вечер, к которому так готовилась.

– Нет, еще никто не умер, но вечер только начинается! – Хлопнув дверью, она поскакала по коридору, радуясь своей уверенности и отваге.

Встав на колени на полу кухни, она потыкала вилкой бок лосося, щедро сдобренного травами и политого лимонным соком именно так, как предписывал рецепт.

– Посмотри на себя, моя попрыгунья! Надо сказать, твои веселые деньки закончились, если они у тебя когда-нибудь были, скорее, ты билась головой о стенку всякий раз, когда пыталась повернуться на каком-нибудь тесном рыбозаводе, и тебе только раз в неделю разрешали навестить свое семейство, посмотрев на него сквозь зеленую сетку. Разве же это жизнь, чтоб мне провалиться? Но плюс в том, что ты принесешь много радости мне и моим гостям, ведь ты по-прежнему довольно красива! – Она освоила кулинарное дело,

но не могла удержаться и каждые пять минут открывала дверцу духовки, следя за процессом.

Это был вечер столь ожидаемого ими предрождественского ужина. Так как их лучшие друзья, по понятным причинам, намеревались все праздники провести в кругу семьи, они подумали, что неплохо было бы собраться всем вместе и устроить этот предрождественский ужин. Джессика воздержалась от индейки, полагая, что к тому времени, когда наступит двадцать пятое декабря, всех будет тошнить от одного ее вида. Она потратила целый день на подготовку и, тем не менее, не успевала и до самого конца была вынуждена рваться изо всех сил, чтобы наверстать упущенное.

Столы были протерты. Очищенные овощи и картошка жарились, роскошный бисквит тирамису размораживался на сушилке, а посудомоечная машина наполовину загружена. Она с удовольствием ощущала дрожь в животе при мысли о том, как пройдет этот вечер, чувствуя себя поистине взрослой в своем симпатичном доме вместе со своим удивительным мужем. Было что-то необычное в том, что они пригласили друзей на ужин, не только потому, что для Мэттью это была возможность продемонстрировать, насколько она совершенна. Кухня, возможно, была вычищена лишь в последние полчаса, а диван нуждался в новой обивке, но еда уже готовилась, люстры включены, пиво охлаждалось, а большой бокал с дешевым вином, который она позволила себе, пока готовила, начал делать свое дело.

Мэттью неторопливо зашел на кухню и оглянулся по сторонам, думая, что Джейк или Полли пришли пораньше.

– Ой! Мне показалось, что ты с кем-то разговариваешь!

– Я разговаривала.

– С кем? – Мэттью во второй раз внимательно оглядел комнату.

– С лососем, – улыбнулась Джессика.

– С лососем, которого мы купили на ужин?

- Угу, - кивнула она.

- Он поведал что-нибудь интересное? - Глядя на жену, Мэттью вскинул бровь.

- Не совсем, - вздохнула Джессика. - Думаю, он мог бы быть чуть поскромнее.

- Так вот оно что, - Мэттью обхватил ее сзади, положив руку на обтянутый джинсами крестец. - Так вот почему ты заточила его в горячую духовку.

- Не говори так! Ты внушаешь мне чувство вины!

- Правда, Джесс, не уверен, как сообщить это тебе, но он уже мертв.

- То есть именно поэтому он не ответил мне! - Отбросив на буфет кухонное полотенце, она хлопнула себя по лбу.

- Знаешь, в нашей совместной жизни меня беспокоит то, что мне передается твое безумие. - Мэттью с треском раскрыл фисташку и бросил ее в рот.

- Что ты имеешь в виду? - спросила Джессика, стоя у раковины, наполнив поднос кубиками со льдом, она запихнула его в морозилку. Она вспомнила, как поразились, когда мать Мэттью предложила им лед, когда они были у них в гостях.

- Не знаю, полагаю, что это мелочи, которые стали нормой. Например, стоя у какого-нибудь бытового прибора, не говорить, что мы подумываем купить новый, из страха расстроить его.

Джессика пробежалась по кухне и приложила палец к губам мужа, словно прикрывая их, и прошептала ему на ухо:

- Ты не будешь говорить о том, как работает тостер, не так ли?

Мэттью покачал головой.

– Хорошо, – выдохнула она. – Потому что, если бы я была тостером Крошкой и узнала, что ты подумываешь заменить меня на тостер Большая Берта, я сразу же задумалась бы о том, чтобы собрать вещи или устроить пожар в знак протеста!

– Наш тостер зовут Крошка? – прошептал Мэттью.

– Да, потому что он – маленький и в нем умещается всего два ломтика хлеба. – Джессика скривила губы и наморщила нос, словно он сказал глупость. – В любом случае давать вещам имена – это нормально. Ты должен предложить мне пример получше.

Мэттью почесал отросшую за день щетину на подбородке и попытался придумать ответ.

– Хорошо, ты каждый вечер заставляешь меня заглядывать под кровать и в гардероб в поисках чудовищ и вампиров.

– Это не вампиры, это оборотни, – поправила она его. – Вампиры меня, по правде сказать, не волнуют, тем более после просмотра сериала «Сумерки». Могу сказать, что в них есть нечто притягательное.

– Отлично, но дело не в этом, Джесс.

– А в чем? – спросила она, вглядываясь в лицо мужа.

– Ну, в том, что никто из них не существует! – усмехнулся он. – Стоит ли повторять чертовы прописные истины?

Джессика уставилась на мужа широко открытыми глазами. Помолчав, она сказала:

– Дело в том, Мэттью, что, по-моему, они существуют, и я боюсь их, но ты твердо уверен, что они не существуют, однако же это ты ищешь их каждый вечер в сушилке и под кроватью, так разве это не делает тебя еще более безумным, чем я?

– Я никогда не думал об этом с такой точки зрения.

– Так почему ты их ищешь? Почему ты просто не скажешь мне, что их там нет?

Мэттью притянул ее к себе, обхватив за талию.

– Потому, Джессика Роуз, что я отправлюсь на край земли, чтобы сделать тебя счастливой. Я сделал бы все, что угодно, чтобы развеселить тебя, чтобы ты безмятежно уснула.

Джессика прижалась лицом к его груди.

– Не думаю, чтобы кто-нибудь еще в целом свете любил кого-нибудь так, как я люблю тебя и как ты любишь меня.

– Думаю, ты права, – согласился Мэттью. – Я очень люблю тебя.

– Даже если я болтаю за ужином? – спросила она.

– Потому что ты болтаешь за ужином. – Он поцеловал ее в затылок. – Между прочим, дом выглядит замечательно.

Она почувствовала, как всколыхнулось ее сердце от такого комплимента...

В дверь позвонили.

Изогнувшись, Джессика высвободилась из его объятий и побежала по коридору. Полли и Джейк стояли бок о бок, они вместе приехали на такси из Клэпема, где жили за три улицы друг от друга. Каждый из них сжимал в руке по бутылке вина.

– Полли! Счастливого Предрождества! – радостно воскликнула Джессика, словно с момента последней встречи с лучшей подругой прошло несколько месяцев, а не несколько дней.

– И тебе, милая. Теперьпусти нас в дом. На улице ужасно морозно! – дрожа проговорила Полли.

Отступив в сторону, Джессика показала рукой в сторону кухни.

– Мэттью только что говорил мне о том, какая я сумасшедшая.

– Ну, так и есть, но ему было известно об этом еще до вашей женитьбы, поэтому теперь он не может пойти на попятный, – ответила Полли, обнимая свою подругу и глядя на нее прищуренными глазами.

– Я и не думал идти на попятный, Полли. – Иногда Мэттью не мог стерпеть прямоты Полли.

– Если все переменится, подруга, то моя квартирная хозяйка съезжает в конце месяца, то есть ты можешь приехать и устроиться у меня. По вечерам в среду мы сможем снова готовить блюда, приправленные карри, и петь караоке, просто счастье! Парням это понравилось бы, как в старые добрые времена! – Джейк стоял позади обнимающихся девушек и глубокомысленно кивал другу.

– Что с вами? Мы с женой очень любим друг друга и счастливы в браке, и так будет всегда! – недовольно воскликнул Мэттью.

– Хорошо сказано, мой прекрасный муж. – Развернувшись, Джессика прыгнула мужу на спину, и тот на закорках донес ее до кухни.

– Чтоб мне провалиться, Джесс! – Полли пробежалась глазами по кухне. – Готовишь ужин и прибираешься в доме, ты превращаешься в свою мать!

– Мне нравится, когда в доме чисто, – с недовольной гримасой проговорила Джессика.

– Ты можешь зайти ко мне и провести у меня мастер-класс, если у тебя к этому лежит душа, – предложил Джейк.

– Очень любезно с твоей стороны, Джейк, но, думаю, что я обойдусь.

В центре стола на большом овальном блюде лежали кости, оставшиеся от лосося. Никто не упоминал о том, что снаружи он пригорел и прилип к блюду. Картофель со сливочным маслом был съеден, и от ужина не осталось ничего, кроме нескольких веточек брокколи с длинными черенками и кусочков тирамису, лежавших рядом со стеклянной чашей, до которых не дотянулись ложкой.

– Я хотел бы предложить тост, – объявил Мэттью. – За мою замечательную жену, спасибо, что ты приготовила такой невероятный ужин.

– Слушайте! Слушайте! – Джейк громко стукнул по столу.

– И пусть наступающий год принесет нам много чудес! – Мэттью поднял бокал и сделал глоток.

– О боже, главное, чего мы ожидаем, так это топота маленьких ножек, ведь так? – выкрикнула Полли.

– Нет, – отмахнулась Джессика, отпивая вино. – Решительно нет. Мы все еще привыкаем к супружеской жизни.

– И получаем от этого большое удовольствие, – добавил Мэттью.

– Да, – согласилась Джессика. – У нас план на пятилетку. Я забеременею, когда мне исполнится двадцать восемь лет. Мэтт к этому времени получит повышение, и я буду прилично зарабатывать, получая хорошие деньги за свои иллюстрации, вот тогда мы обзаведемся двумя очаровательными детьми, чтобы наша жизнь стала полной. Мальчиком и девочкой.

– Проклятие, похоже, ты все спланировала, – насмешливо проговорил Джейк.

– Мы спланировали, – кивнула Джессика.

– Боже, я люблю свою жену! – радостно улыбнулся Мэттью. Полли изобразила, что ее тошнит. – Я люблюсь ею каждый день, особенно когда смотрю на свою соседку, за которую я тоже хотел бы предложить тост. – Он поднял бокал. – «За миссис Плезент, живущую по соседству!»

- Пусть она научится улыбаться! – добавила Джесс.

- Да, миссис Плезент! Научитесь улыбаться! – очень громко выкрикнул Джейк, развернувшись к стене кухни.

- Ш-ш-ш! – Все втроем посмотрели на него, а Полли приложила руку ко рту. Все, пожевываясь, рассмеялись, надеясь, что соседка ничего не услышала.

Джессика кашлянула.

- И еще один тост за меня! Сегодня я вернула свой первый заказ на иллюстрации. Они ожидают одобрения, но главное, что я закончила их!

- Ура! – хором закричали все. – Поздравляем тебя!

Все вчетвером, уже расслабленные четырьмя бутылками вина, выпитыми за ужином, тяжело опустились на свои стулья и раскромсали большой кусок сыра «Дольче Латте», положив по кусочку на соленый крекер и запив глотком рубинового портвейна.

- Я объелась, – завопила Полли, потянувшись к сырному ножу, и отрезала еще один ломтик сыра.

Остальные трое рассмеялись.

- Тогда почему ты опять тянешься за сыром? – Джесс перехватила взгляд Мэттью, говорящий о том, что он по-прежнему считает Полли идиоткой, не изменив своего первого впечатления о ее характере и несмотря на то, что с тех пор не раз встречался с ней.

- Потому что я думаю, раз я уже нарушила диету, значит, я действительно могу ее нарушить, знаете, сказал «А», значит, говори «Б»... как бы ни заканчивалась эта точная фраза. Кроме того, я собираюсь сделать липосакцию и не хочу понапрасну тратить деньги.

- Тебе не нужна липосакция, Полл, ты – красавица, – улыбнулась Джессика подруге. Она знала, что, несмотря на браваду, в душе Полли не уверена в своей

внешности и своем будущем.

– О боже! Если говорить о красоте... – Полли хлопнула себя по лбу. – Я почти забыла! Самые любопытные сплетни. Помнишь моего кузена Коллума?

– Геолога, высокого, немного высокомерного и рыжеволосого? – спросила Джессика.

– Его самого. Ну так вот, недавно он заявил семье, что больше не собирается быть Коллумом и теперь живет как девушка по имени Колетт! Мои дядя и тетя глотают успокоительные. Ты можешь в это поверить?

– Нет! Не могу! – взвизгнула Джессика.

– У него появилась грудь и все такое? – полюбопытствовал Мэттью.

Полли пожала плечами.

– Очевидно!

– Отлично, это нелегко. Для этого нужно много смелости.

– Очень странно, – заметил Джейк. – Уф, у меня от этого мороз по коже!

– Когда это ты стал таким просвещенным, Джейк? – спросил Мэттью своего невежественного друга.

Вместо ответа Джейк быстро опрокинул рюмку коньяка.

– Как бы то ни было... – снова направив разговор в прежнее русло, сказала Полли, – если вернуться к моему весу, то тебе легко давать советы, Джесс. У тебя все просто как три копейки.

– Что ты имеешь в виду? Почему у меня все просто?

– Ну, ты уже соблазнила мистера Совершенство, пусть для меня он не совершенен, но совершенен для тебя, – пояснила Полли, прищурив глаза и показывая пальцем на Мэттью.

– Это чувство совершенно взаимно! – поднял бокал Мэттью, глядя на лучшую подругу своей жены.

– У вас славный дом, – продолжала Полли, – вы женились по любви, и, видимо, через пять лет на лестницах будет слышан топот маленьких троллей...

Джессика улыбнулась. В отличие от нее Полли была не в восторге от малышей. Или, если говорить точнее, не в восторге от перспективы присматривать за ними.

– Но кое-кто из нас еще в поиске и пытается добежать до финишной черты, – вздохнула Полли, захрустев очередным крекером с сыром.

– Мы не слишком сентиментальны. А вы? – Джессика посмотрела на своих гостей.

– Нет, вы просто счастливы до тошноты. А когда видишь, что кто-то так доволен своим уделом, то это очень раздражает! – произнесла Полли с невозмутимым видом, за что была вознаграждена приветственным жестом Джейка.

– Мы скоро можем повторить, прошу вас, заходите к нам, ешьте нашу еду, и пейте наше вино, и нападайте на нас. Как насчет того, чтобы встретиться на следующей неделе? – выкрикнул Мэттью.

– Не сердись. – Полли погрозила пальцем Мэттью. – И не беспокойся, ты знаешь, что мы снова придем сюда на следующей неделе.

– Ну, слава богу! – Мэттью с сарказмом хлопнул в ладоши.

Встав, Джессика направилась в гостиную.

– Думаю, пора поиграть в шарады!

Троица с шумом поднялась из-за стола, под воздействием спиртного покачиваясь на неверных ногах. Затолкав стулья под грязный стол, они по пути отпихивали друг друга локтями – никто не хотел сидеть на краю дивана, поэтому последний должен был вырваться вперед, таково было правило. Джессика смеялась, видя, как ее муж и друзья, сражаясь за место, бегут в гостиную и прыгают на диван, прижимая подушки к груди, и громко хохочут. Возможно, они сладкая парочка, живущая в славном доме, рассчитанном на большую семью, но они по-прежнему умеют веселиться.

4 февраля 2013 г.

Наконец они убрали голые новогодние елки. Это нужно было сделать уже давно. Вид длинных ветвей и сухих иголок был довольно печален, совсем неуместен здесь, он разрушает еще больше. Мое первое Рождество здесь было ужасным. Мне казалось, что у меня на сердце – камень, который становился все тяжелее и тяжелее до тех пор, пока я едва могла передвигать ноги. Мне страстно хотелось домой – домой, где бы ни был мой дом. Тонкие ленты мишуры в комнате отдыха, пластмассовые безделушки, свисавшие с люстр, и бумажные тарелки с печеньем с оставшимися на нем отпечатками измазанных растаявшим шоколадом пальцев производили совсем не тот эффект, которого ожидали. Они просто акцентировали тот факт, что мы были в ловушке, принудительное веселье диссонировало с депрессией и атмосферой клиники. Я главным образом делала вид, что нахожусь где-то в другом месте, где угодно, обманывая себя мыслью о том, что день пройдет спокойно. Но, видя повсюду рождественские украшения, мне было труднее притворяться. Они напоминали мне о том, чего мне не хватает. О том, что я потеряла.

Наше первое Рождество после смерти Дэнни было еще хуже. Никто из нас не хотел праздновать, но ни у кого не нашлось смелости сказать об этом. Полагаю, мы думали, что, возможно, испортим его кому-то еще. Мне было всего десять лет, но мне хотелось, чтобы этот день закончился сразу же после того, как я открою глаза. Мама суетилась, пытаюсь улыбаться. Бабушка приготовила ланч. Папа шутил насчет переваренной фасоли, и все мы натянуто смеялись. Мы все еще не достигли той стадии скорби, когда смех мгновенно сменяется всепоглощающим чувством вины. Еда казалась безвкусной. На елке висели редко развешенные игрушки, как будто кто-то на полпути бросил это занятие, потеряв к нему всякий интерес. Даже елочная гирлянда мигала, словно ей тоже не хотелось утруждать себя. Мы не включали телевизор и не слушали музыку.

Если бы я хотела представить этот день в цвете, я окрасила бы его серым цветом. Все были молчаливы и печальны, никто не знал, что сказать. Я чувствовала себя смущенной в собственном доме, в кругу семьи.

Открывать подарки было мучительно. Я смотрела на три пары запавших глаз, и каждый из нас, наверное, вспоминал предыдущий год, сожалея о том, что мы были не слишком внимательны и запомнили не так много подробностей, не ведая, что это было его последнее Рождество.

После обеда я поднялась по лестнице и легла в постель. Я слышала, как плачет мама в своей комнате. Папа стоял у кухонного стола, и я представляла, как он пытается завязать разговор с бабушкой, да благослови его бог. Открыв ящичек прикроватной тумбочки, я увидела трехмерную закладку, которую Дэнни подарил мне годом раньше. Это был паршивый подарок, который мне, по правде сказать, не нравился, но я поднесла его к лицу и стала наклонять вперед и назад, чтобы медвежонок заулыбался и замахал лапой, – я поняла, что это последний подарок, который он купил для меня, и поняла, как сильно я полюбила его. Его касались руки Дэнни, а теперь эти руки остыли. Я положила закладку себе на грудь и зарылась лицом в подушку. Закрывая глаза, я решила притвориться, что Дэнни – внизу, с папой и мамой, он, как обычно, показывает фокусы. Я улыбнулась, вспоминая уголок туза, обычно выглядывавший у него из рукава. На самом деле он был никудышным фокусником.

6

– Джесс? Джессика?

Она услышала, как Мэттью зовет ее и, как обычно, бряцает ключами, бросая их в чашу на пристенном столике в холле, как он топает, стряхивая с туфель капли дождя и грязь.

– Где ты, моя женушка? – Он вернулся домой пораньше. Она не ждала его до вечера. Она представила, как он выполняет свой маленький ритуал, ставя портфель на стол в пустой кухне, расхаживая повсюду, развязывая галстук. Вероятно, он был рад вернуться домой, если забыть об их разговоре перед ланчем. Видимо, ему пришлось пережить очень скучный день.

– Привет, милая, я дома! – Это банальное приветствие он произнес, постаравшись как можно лучше изобразить акцент жителя Среднего Запада.

Джессика, прятаясь в укромном местечке, улыбнулась, но не отвечала, пока не отвечала. Она слышала приглушенный звук текущей воды и характерный щелчок, когда Мэттью наполнил чайник и включил его, прежде чем взять кружку, до ее ушей долетел глухой звук, с которым он поставил ее на стол. Джессика воображала, как он оглядывает пустую духовку и чистую варочную панель, которую она оттирала целый час. Мэттью знал, как она не любит убираться, поэтому он, вероятно, должен был оценить, сколько времени она на это потратила.

В последнее время Джессика занималась тем, что рисовала цветы, настойчиво пытаясь уловить тонкое, почти прозрачное естество маков и добиться совершенства, передавая оттенки пестролистого плюща. Она хотела как можно лучше выполнить работу для заказавшего ее издателя, надеясь, что это поможет получить новый заказ. Ее одержимость не пропала даром: сегодня ей передали, что ее работа была принята очень хорошо. Она кое-что сделала и убралась в доме, но ничего не приготовила к ужину. Она улыбнулась про себя, представляя реакцию отца Мэттью, пришедшего домой и увидевшего, что никто не позаботился об ужине. Энтони Максвелл привык заходить на кухню, где на медленном огне кипели подливы, подрумянивались пироги, остывал свежее испеченный хлеб и жарилось мясо, все было готово к ежедневному пиру. Сегодня, как никогда, это заботило ее меньше всего. Она была слегка рассеянной.

Джессика услышала удар крышки о металлическое мусорное ведро, когда Мэттью метко бросил в него чайный пакетик, потом он прошел по коридору. Она слышала, как скрипнула дверь гостиной, когда он просунул туда голову.

– Джесс? Дже-есс? – крикнул он, на этот раз чуть тише.

– Поднимайся вверх, я – в ванной! – Ее голос отдавался эхом от сверкающих, обложенных белым кафелем стен.

Она услышала знакомый скрип трех ступенек викторианской лестницы, когда он поднимался к ней.

- Что ты здесь делаешь? - спросил он.

- Я в туалете, - отозвалась она.

- Ну, я это знаю, - засмеялся Мэттью. - Поэтому я разговариваю с тобой через дверь. Вопрос в том, что ты там делаешь. - Он раздраженно и нерешительно постучал по дверной раме.

- Что за вопрос? Как ты думаешь, что я здесь делаю? - Она закатила глаза.

- Ты знаешь, что я имею в виду - ты сидишь там слишком долго.

- Знаешь ли, мистер адвокат, тебе нужно отточить свое умение задавать вопросы и быть изобретательнее. А что ты имеешь в виду, говоря «слишком долго?» Сколько именно времени мне позволено провести здесь?

- Джессика, прекрати дерзить и, пожалуйста, скажи мне, почему ты закрылась в туалете, если обычно тебе на все требуется не более нескольких минут и при этом ты редко закрываешь дверь. А по моим подсчетам... - Мэттью сдвинул рукав и взглянул на часы, - ты находишься там не менее десяти минут.

Джессика молчала. С чего начать? Ей хотелось побыть одной. Она нервничала.

Сжав руку в кулак, Мэттью постучал костяшками в дверь.

- Нельзя, - услышал он в ответ. - Дай мне побыть одной.

- Ты не можешь запретить мне войти! Ванная комната - не твое королевство. Ты не туалетная королева! - закричал он, стоя на лестнице.

- Я думаю, что ты именно так и считаешь, - вырвалось у нее, когда она, присев на край ванны, читала инструкцию. - Уходи и возвращайся через несколько минут!

- Несколько минут? Господе Иисусе, - пробормотал он. Она слышала, как он спускается по лестнице, ведущей в ванную, включает телевизор, из которого раздается звук заранее срежиссированного смеха, как скрипят пружины кровати

под его весом.

У нее дрожали руки, когда она неумело снимала обертку из фольги и морщилась от унижения, писая на тест на беременность. Джессика изо всех сил старалась пописать соответствующим образом, думая о том, что мочиться по требованию труднее, чем она предполагала. Она положила тест на край раковины и тщательно вымыла руки, стараясь не обращать внимания на тестер и не желая сглазить результат своей поспешностью. Она была перевозбуждена и нервничала. Это был тот самый, решающий момент, способный изменить их жизнь навсегда.

Результат проявился почти мгновенно. Одна полоска стала темно-синей, тогда как вторая была чуть светлее. Схватив пластмассовый тестер и прижав его к груди, она закрыла глаза, при этом у нее в животе что-то затрепетало от возбуждения.

– О боже! У нас получилось! У нас правда получилось! О господи!

Вдруг ее охватила неуверенность, Джессика, сомневаясь в результате, вытащила из мусорной корзины скомканную инструкцию. Не ошиблась ли она? Это положительная реакция? Ей нужно было удостовериться. Что означают две синие полоски? Внимательно перечитав абзац, описывающий результаты теста, она, сияя, внимательно разглядывала свое отражение в зеркале.

– Я стану мамочкой! О боже! – прошептала она, испытывая удивительное, смешанное ощущение счастья, удовольствия и чего-то еще... Она чувствовала себя уверенной, удовлетворенной тем, что теперь знает, как потечет ее жизнь. Держа тест в руке, она поводила указательным пальцем по экрану, словно заглядывая в будущее. Она не могла дождаться, пока все случится.

– Ладно, Джесс, – пробудил ее оцепенение голос Мэттью, она почти забыла о том, что он ждет ее. – Я даю тебе еще две минуты, а потом вышибу пинком дверь и войду.

Она засмеялась.

– Не думаю, что ты сумеешь вышибить дверь, Мэтт.

– Я правда так и сделаю. Возможно, я и не вырос в трущобах Ромфорда, как ты, но знаю пару приемчиков и смогу взломать дверь. – Казалось, он был оскорблен тем, что она отчасти поставила под сомнение его мужественность.

Джессика погладила рукой свой пока еще плоский живот и представила себе крошечного зачатого ребенка с другой стороны брюшной перегородки.

– Я всегда буду заботиться о тебе, малыш. Я уже люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, мамочка! – услышала она тихий, отчетливый и приятный голосок. Он раздавался изнутри, отчего у нее стало радостно на душе. Джессика светилась от счастья.

– Итак, время истекло. А теперь я собираюсь выбить дверь, – прокричал Мэттью.

Резким движением Джессика слегка приоткрыла дверь и просунула голову в щель. По другую сторону двери, совсем близко от нее, стоял Мэттью, их носы практически соприкасались.

– Привет, – прошептала она.

– Привет, Джесс. Как дела? – тихо поинтересовался Мэттью.

– Все в порядке.

– Как прошел день? – спросил он, поднося ко рту кружку, которую держал в руке, и отпивая из нее чай.

– Отлично, – улыбнулась она.

– Что ж, приятно услышать это. Ты выходишь? – спросил он, склонив голову набок.

Она отрицательно покачала головой.

– Еще нет.

– Прекрасно, – улыбнулся он. – В таком случае могу я спросить тебя: почему ты прячешься в ванной? Ты скрываешь там своего страстного любовника-испанца? Неужели я, придя сегодня домой пораньше, застал вас врасплох, и ты хотела, чтобы он ускользнул, пока я снимаю костюм? Так?

– Нет, – с улыбкой ответила Джессика. – Хуан обычно уходит раньше трех, просто на всякий случай.

– Очень умно, – кивнул Мэттью. – Я могу войти?

Она снова покачала головой.

– Да, это страшно таинственно. Не могла бы ты, по крайней мере, сказать мне, что ты там делаешь? – спокойно спросил он.

Джессика глубоко вздохнула.

– Я провожу опыт.

– Прекрасно. – Мэттью притворился умиротворенным, опершись локтем о комод, он продолжал пить чай, который всегда остужал до нужной температуры. – Что за опыт? Ты что, купила набор химикатов и устроила вулкан в раковине?

– Нет, это, скорее, из серии, «как поведут себя Мэтт и Джесс, если рядом с ними вдруг упадет метеорит, взорвав мир, который казался им «идеальным»?».

– Хорошо, хотя это звучит сложновато и влетит в копеечку. Ты что-то разбила? Я должен волноваться?

– Как посмотреть, – снова прошептала Джессика, подозревая, что попала в ловушку, и почувствовав вдруг, как слезы подступают к глазам. Она увидела, что Мэттью наклонился ниже.

– Джесс, прошу тебя, выходи из этой проклятой ванной! – Он чуть повысил голос. Шутка, какой бы она ни была, слегка затянулась.

– Не могу, я стесняюсь. – Она опустила голову. Это было близко к правде.

Откинув голову назад, Мэттью захохотал.

- Ох, Джесс, это нелепо. Некоторые вещи, которыми мы занимаемся регулярно, в некоторых странах считаются незаконными, а ты не впускаешь меня внутрь, потому что стесняешься?

- Это совершенно другое дело... - Она не могла объяснить почему. Возможно, в глубине души ей ни с кем не хотелось делиться своей новостью, хотя бы некоторое время. - Я писала на полоску, - сказала она.

- Зачем ты писала на полоску? Я не понимаю! - Он покачал головой.

Повернувшись назад, Джессика взяла с раковины тест на беременность и просунула его кончик в дверную щель. Она увидела, как изменилось выражение его лица, когда он мгновенно осознал всю невероятную значимость ее опыта. Поставив кружку на комод, он выхватил у нее пластиковую полоску. Он пристально смотрел в окошко, пока Джессика наконец медленно не вышла из ванной и не встала напротив него на лестничной площадке, одной рукой запахивая на себе кофточку и покусывая ноготь большого пальца.

Мэттью переводил взгляд с нее на тест, пристально вглядываясь ей в глаза.

- Две полоски - это хорошо или плохо? - спросил он.

Она улыбнулась тому, что он даже в такой поворотный момент их жизни двусмысленно шутит в своей излюбленной манере.

- Все зависит от обстоятельств... - Она беспокойно грызла ноготь, все случилось на пять лет раньше графика, они даже не приблизились к тому, что планировали.

- От чего? - парировал он.

- От того, захочешь ли ты стать папой, Мэттью.

Это был провокационный вопрос. Был ли он готов стать отцом? Отвечая, Мэттью наморщил кончик носа:

– Я хочу, Джессика. Я хочу быть папой, если ты хочешь быть мамой, и я всегда буду заботиться о тебе. Так было всегда, ничего не изменилось.

Взвешенно и неторопливо она проговорила в ответ:

– Тогда две полоски – это хорошо, Мэтт, потому что это значит, что у нас будет ребенок.

Сделав шаг вперед, муж обнял ее с какой-то новой нежностью.

– Дорогая! – Она уже стала для него бесценной, она носит их отпрыска, которого он будет беречь и защищать.

Джесс показалось, что ее статус как будто повысился. Теперь она стала не просто милой и слегка сумасшедшей Джесс, которая пьет коктейли и танцует в трусиках, она собирается стать матерью. Матерью.

– О, малышка! Это чудесно! Чудесно! – Мэттью еще крепче обнял ее.

– Ты уверен? Мы хотели подождать. Это не то, что мы планировали, – напомнила она, закусив нижнюю губу и вспоминая о том, как они спорили, договариваясь о том, что пять лет – достаточный срок для того, чтобы начать думать о семье.

– Ничто не вечно, даже то, что мы планировали. Я недавно думал об этом. С тобой, Джесс, нет абсолютно никакого смысла что-то планировать. Лучше плыть по течению.

– Но нам только по двадцать три года, как мы справимся? – Она моргнула, смахивая подступившие слезы.

– Многие обзаводятся детьми и в более молодом возрасте и прекрасно справляются.

– Я думаю...

Взяв ее за подбородок, он приподнял ее лицо, и у нее не осталось другого выбора, кроме как встретиться с ним взглядом.

– Мы с тобой справимся со всем, со всем до тех пор, пока будем вместе. Мы ведь всегда так говорили, правда?

Джессика кивнула.

– И это не исключение. Вместе мы станем самыми лучшими родителями на свете, черт побери! Это будет замечательно!

Она потянулась к мужу и поцеловала его.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – спросил он, отстраняясь от нее.

– Да, конечно! Мне чуть-чуть грустно, но я думаю, что это нормально. И я ощущаю во рту неприятный привкус, как будто облизываю медяк! Но я чувствую себя отлично. Я не больна, просто беременна. Я ни в коем случае не собираюсь становиться одной из тех женщин, которые, воображая себя источником жизни, начинают говорить нараспев и строят юрту на заднем дворе.

– Какое облегчение, ведь мы не рассчитывали на место для юрты и для моего газового гриля для барбекю. – Он улыбнулся. – О господи, я стану папочкой! – Мэттью рассек рукой воздух. – Мяч в воротах!

– Ты не должен никому говорить об этом. Ни единой душе! Seriously. – Внезапно на ее лице появилось торжественное выражение.

– Почему, разве это не мой ребенок? Черт побери! Не говори мне, что старик Хуан опередил меня. – Он украдкой поцеловал ее.

– Я серьезно, Мэттью. Лучше не говорить никому, пока не пройдет какое-то время. Я думаю, несколько месяцев или около того, просто мы должны быть уверены.

– Уверены в чем? – Он поскреб щетину.

– О, я не знаю! Просто так не принято.

Она наблюдала за тем, как Мэттью скрестил пальцы на груди.

– Хорошо, слово скаута.

– О господи, Мэттью, это невероятно! Ты веришь в это? – Закусив нижнюю губу, Джессика почувствовала, как подступают слезы. – Это один из тех моментов, которые мы будем вспоминать и о которых будем говорить, когда постареем и поседеем, о дне, когда мы зачали ребенка! Вот этого самого ребенка. Пусть мы зачали его не сегодня, но ты понимаешь, что я имею в виду.

– Когда мы его зачали? Я думаю, когда ты использовала противозачаточный колпачок. – Он поежился, все еще чувствуя неловкость при упоминании обо всем, что связано с женским телом.

Джессика похлопала его по животу.

– Этот ребенок – твоя и моя заслуга – заслуга «Пиммса». Это была ночь после нашей кухонной вечеринки на Хэллоуин. Мы были слишком пьяны для того, чтобы быть осторожными.

– О боже! То есть мы были пьяны? В сперму попал алкоголь?

Джессика рассмеялась.

– Понятия не имею! Я думаю, что у меня срок около трех месяцев.

– Класс, так когда же он родится?

– Где-то в июле, точно сказать не могу. – Она улыбнулась.

– Великолепно. Как раз перед футбольным сезоном. Я не пропущу ни одной игры.

– Ты сможешь прихватить с собой малыша!

– Правда? – Мэттью слегка нервничал. – Разрешено брать младенцев с собой на футбол?

– Откуда я знаю? – Она пожала плечами. – Нам обоим придется всему учиться. – Она ощутила, как по всему ее телу пробежала теплая волна возбуждения, и она стала подпрыгивать на месте. – Ты станешь папочкой! – Наконец из ее глаз брызнули слезы, стекая по щекам.

– А ты станешь мамочкой, фантастической мамочкой.

– Твою мать, – сказала она, – я стану мамой!

– Да. – Мэттью сгреб ее в охапку. – Мы перестанем заниматься сексом, и ты начнешь печь пироги, вязать и цокать языком, услышав грубые слова по телевизору. Ты будешь носить леденцы в сумке.

– Такое случается? – Она рассмеялась сквозь слезы.

– Да, в следующий раз, когда ты пойдешь к врачу, тебе вошьют микрочип мамочки, и твой мозг со свистом наполнится всевозможными знаниями. Тогда ты узнаешь, как лучше поцеловать коленку, как вывести пятна с одежды, а также выучишь наизусть рецепт йоркширского пудинга. Ты будешь хранить в баночке парные пуговицы, и при тебе всегда будет непочатая пачка бумажных носовых платков, а также что-нибудь для чтения на всякий случай.

– Ого! Я с нетерпением жду этого. А не хочешь ли ты сказать мне, откуда ты так много знаешь об этом.

– Конечно, скажу. С тех самых пор, как я родился, у меня была мама.

– Пойдем, мы должны это отпраздновать! – Схватив мужа за руку, Джессика повела его в спальню.

Отставив теперь уже остывшую кружку с чаем, Мэттью сбросил туфли, и они упали на кровать. Джессика взяла в руки пульт и выключила телевизор, а потом задернула шторы и включила лампу. Сняв джинсы, чтобы чувствовать себя удобнее, она, обернувшись, увидела, как Мэттью кладет телефон на

прикроватный столик и раскрывает для нее свои объятия.

Положив голову на грудь мужа, она обхватила его руками.

– Я так взволнована, Мэтт. Напугана, но по-настоящему взволнована. Я люблю тебя.

– Я люблю тебя, моя умница. Не бойся. Мы справимся.

Джессика посмотрела на тестер, который она прислонила к ночнику, казалось, две тонкие полоски на нем потемнели за прошедшее время. – Знаешь, я считаю себя очень умной!

– Потому что ты такая и есть. Это самое умное из того, что ты когда-либо делала.

– Нет, это самое умное из того, что мы когда-либо делали! – поправила она его, а потом страстно поцеловала в губы, пока он гладил ее по спине.

Телефон Мэттью зазвонил. Протянув свободную руку, он мельком посмотрел на экран, а затем положил его на одеяло.

– Кто это? – спросила она, вытягивая шею, чтобы посмотреть на мужа.

– Никто. – Он пристально, не мигая смотрел на нее, что означало, как ей было известно, что дело здесь нечисто. Его лицо произвольно приняло такое выражение, которое появлялось всегда, когда его заставляли врасплох.

– О господи! Что ты натворил?

– Ничего. – Он пристально смотрел на нее.

– С кем ты разговаривал? – Она потянулась за телефоном, но Мэттью схватил его и отодвинул подальше.

– Ни с кем! Отстань! – Он ухмыльнулся, когда она вскарабкалась на него, словно он был поваленным деревом, упираясь босой ступней в его голень и стараясь достичь своей цели. Свободной рукой он придерживал ее за бедро, настороженно следя за ее болтающимися конечностями. Джессика подтянулась на кровати, подложив руку мужу на макушку, и достала до телефона. Потом она свалилась обратно на матрас. Мэттью тихо засмеялся, схватил ее за ноги и уложил на себя, где она и осталась, не выпуская из рук телефона. Проведя пальцем по экрану, она прочитала только что пришедшее сообщение.

Скривив губы, она положила одну руку на грудь и, держа телефон в другой, вытянутой руке, прочитала вслух.

– Ой, Мэтт, как мило, это от Джейка. Он пишет «Черт подери, приятель! Рад узнать, что ты не бесплоден – это нужно КАК СЛЕДУЕТ отметить. В чем именно будет заключаться моя роль крестного?» Ты сказал Джейку? Одному ему? Я просила тебя не говорить ни душе, а ты выбрал именно его! Это равносильно тому, что дать рекламное объявление в местной газете, – застонала Джессика. Бросив телефон на кровать, она закрыла глаза.

Повернувшись на бок, Мэттью вытянул руку, подперев ею голову.

– Я понял, что ты сказала, но я не мог устоять! Это так возбуждает. Но не волнуйся, я попросил, чтобы он никому не говорил.

– Ты попросил его никому не говорить? Надо же, прекрасно! – Она содрогнулась. – Ты же помнишь, что мы говорили о Джейке?

Мэттью кивнул.

– Стоит ли напоминать тебе, что он вывешивал простыню из окна университетского общежития, ведя счет своим сексуальным победам?

Мэттью усмехнулся при этом воспоминании. Джессика еще не закончила:

– Джейке, который постил на своей собственной странице в Facebook позитивный результат анализа на инфекцию, передающуюся половым путем, словно это знак почета?

Мэттью захохотал еще громче, стуча себя по груди и тихо присвистывая.

- Прекрати, - умолял он.

- Джейке, который на нашей свадьбе рассказал моей матери о том, что на первом свидании мы с тобой занимались сексом на заднем сиденье твоей машины!

- Он не лгал, мы действительно занимались сексом.

- Не в этом дело. Он рассказал об этом моим родителям! В день моей свадьбы! - вопила она.

- Не злись на меня. Мне нужно было кому-то сказать. Я был взвинчен. Я стану папой! - Мэттью застенчиво посмотрел на нее.

- Угу, я понимаю, но из всех, с кем ты мог бы поговорить, ты выбрал его... - Джессика прижала ладони к лицу.

Мэттью отвел ее ладони от лица и обхватил его своими руками.

- Я люблю тебя, миссис Дин. Я очень люблю тебя. - Он поцеловал ее в щеку.

- Я тоже люблю тебя, но я просто хотела немного подождать. Тест на беременность еще не просох, а вы с Джейком уже планируете это долбаное крещение!

- Я не могу ничего с собой поделать, я взвинчен!

- Ты уже говорил это. - Она улыбнулась, решив, что трудно сердиться на супруга, чья жизнь скоро изменится так же, как ее.

Джессика сползла с мужа и легла рядом.

- Я тоже взвинченна. Торжественно объявляю нас самыми талантливыми людьми во всей вселенной! - Она страстно поцеловала его, ощутив при этом, как

возбуждено его прижавшееся к ней тело. – И теперь нам не нужно беспокоиться по поводу контрацептивов! – Джессика сбросила с плеч кардиган, скинула майку и сняла бюстгальтер.

– Сегодня мой день складывается как нельзя лучше! – Мэттью потер руки, стягивая костюмные брюки и бросая их в кучу на полу.

– И, возможно, ты прав, может быть, Джейк не скажет никому ни слова. То есть это не обычная сплетня. Он поймет, что это важно, верно?

Мэттью кивнул.

– Совершенно верно.

– Возможно, стоит поверить, что он действительно повзрослел. – Джессика улыбнулась, когда загудел ее телефон на прикроватном столике. Перегнувшись через мужа, она взглянула на экран и, выпрямившись, села на кровати. – Беру свои слова обратно, это от Полли. – Ее телефон снова загудел. – Не могу поверить! В своем SMS она, по существу, кричит на меня и поздравляет, спрашивая при этом, как Джейку удалось узнать об этом раньше. Ой, и она посылает мне ссылку на сайт, где можно прочитать о недержании при беременности и креме от растрескивания сосков. Чудесно. Твой друг – болтливый кретин! – Джессика соскользнула с кровати и схватила бюстгальтер.

– Что ты делаешь? Вернись. Нет, нет, нет! – Он схватил ее за руку, как будто это могло помешать ей одеваться.

– Извини, Мэтт, но нам нужно просто подождать. – Она улыбнулась, застегивая бюстгальтер под грудью и сдвигая его до тех пор, пока он не сел, как надо.

Мэттью сел.

– Подожди-ка, ты говоришь мне, что у меня не будет секса потому, что я рассказал обо всем Джейку, а он рассказал Полли? – Он взъерошил волосы.

– Да. Все зависит от того, сколько народа знает об этом.

– О, Джесс! Вернись, пожалуйста. Всего десять минут, даже пять! – Он нахмурился.

– Ах, Мэтт, мне бы очень хотелось, но, к сожалению, из-за твоего друга Джейка и его невероятного хвастовства мне придется побыстрее залезть в «Эдит» и отвезти нашего неродившегося ребенка в чертов Ромфорд, чтобы сообщить моим родителям о его предстоящем появлении. Потому что, если ты забыл, мы с Полли дружим с детского сада, и наши мамы – подруги и живут по соседству. И если до моих родителей дойдут слухи, мне не поздоровится!

– Я поеду с тобой. – Он сел на постели.

– Нет. – Она глубоко вздохнула. – Нет, со мной все в порядке. Я шучу, но, если серьезно, они очень обидятся, если услышат об этом из вторых или третьих рук. Я буквально заскочу к ним и сразу же вернусь. Если ты поедешь со мной, это превратится в настоящее торжество, а я не могу себе этого представить, во всяком случае, в будний день. Не то чтобы мне нельзя было теперь употреблять алкоголь по праздникам. Я больше не пью.

– С каких это пор? – засмеялся Мэттью.

– С тех пор, как я пописала на тестер минут двадцать назад. С тех пор я не пью.

– И как ты себя чувствуешь? – со смехом проговорил он. – Скучаешь по алкоголю?

Джессика выдохнула.

– Я справляюсь.

– Не могла бы ты просто позвонить родителям? – подсказал он.

– Не думаю. Позвонить и сказать «мы уезжаем в отпуск» или «я выбрала краску для входной двери» это совсем не то, что сказать «твоя дочь беременна, и ты скоро станешь бабушкой!», – с досадой воскликнула она. – В любом случае ты знаешь, где я. Я должна рассказать им обо всем.

– Не обо всем, – поправил он. – То есть они все еще не знают, что ты и твоя подруга-потаскушка сделали одинаковые татуировки, ведь так?

– Верно, только потому, что мы договорились не рассказывать об этом. Не стоит огорчать их. – Она покачала головой.

– Забавно. Ты – взрослая замужняя женщина, у тебя есть своя кредитная карта и все такое, а ты все еще боишься осуждения со стороны взрослых! – поддразнил он.

– Не то чтобы я боялась их... – Джессика не могла сформулировать свою мысль. – Просто... Заткнись, Мэттью! – Она решила, что проще накричать на него.

– Понимаю. Очаровательно. Я наказан, не так ли? – усмехнулся Мэттью.

Джессика потянулась и достала рукой кофту, стоя перед ним в черном кружевном бюстгальтере.

– Не считай это наказанием, любовь моя, считай это подготовкой к тому моменту, когда я стану мамочкой и мы будем реже заниматься сексом! Я вернусь попозже, чтобы ты посильнее соскучился и, возможно, приготовил какое-нибудь блюдо под соусом карри.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

«Иерусалим» – стихотворение Уильяма Блейка из предисловия к его поэме «Мильтон» (1804), положенное в 1916 г. на музыку Хьюбертом Пэрри и ставшее неофициальным гимном Англии.

2

Город в графстве Эссекс.

3

Чизик – западный пригород Лондона.

4

В переводе с английского фамилия миссис Плезент (Pleasant) означает «приятная, симпатичная».

5

Ночь Гая Фокса, или Ночь костров, отмечается в Великобритании в ночь на 5 ноября в честь провала «порохового заговора» (1605 г.), когда группа католиков-заговорщиков пыталась взорвать парламент.

6

Пиммс (Pimm's) – традиционный английский крюшон.

Купить: https://tellnovel.me/prouz_amanda/istoriya-materi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)